

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАТЕРИАЛЫ
МАССОВОЙ
ВНЕШКОЛЬНОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ

НА ПЕРИОД ОСЕННЕГО СБОРА 1924 ГОДА.

Издание Политотдела X-й дивизии.

ВОЛОГДА.
1 9 2 4.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1. Милиционная армия	5
2. Комсомолец Миша	17
3. Вернулся	92
4. На грани светлого дня	39
5. Случай в деревне	55
6. Да здравствует книга	63
7. Указания ко дню пропаганды книги	75

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАТЕРИАЛЫ
МАССОВОЙ
ВНЕШКОЛЬНОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ
НА ПЕРИОД ОСЕННЕГО СБОРА 1924 ГОДА.

Издание Политотдела X-й дивизии.

669098

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ВОЛОГДА.
1924.

МИЛИЦИОННАЯ АРМИЯ.

Исценировка в 1-м действии.

Влад. ЕФИМОВА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Гаврила Семенович, крестьянин.
2. Марфа Григорьевна, его жена.
3. Ваня, их сын (*призываемый*).
4. Павел Петрович, их сосед из бывших официантов.
5. Митя, комсомолец из Ленинграда.
6. Федор, крестьянин, старый солдат.

МИЛИЦИОННАЯ АРМИЯ.

ДЕЙСТВИЕ I-е.

Действие происходит в обыкновенной крестьянской избе. Видимо недавно пришли вести о предстоящем призыве в территориальные части. Мать уже, по привычке в слезах. Отец спокоен. У сына несколько приподнятое настроение.

Мать:—Ох, батюшки мои родимые, Ваня, сыночек... опять значит на войну... опять воевать (*тихо плачет*).

Отец:—Да, Ванюха, трубить, значит, приходится... Скверное дело. Мне-то одному по хозяйству трудненько будет управляться... ох...

Ваня:—Ну вот, заныли. Послужим, да и только, нас не убудет. А, что на счет хозяйства—так главную работу, значит, сделали, ну, а остальную, ты, батя, сам смозгуешь.

Отец:—Так то оно так, да потом-то что делать. Ежели заберут, так беспременно годика на два, а то больше.

Мать:—Ох, Ванечка... горемычный мой... Куда только тебя загонят... куда загонят... (*поет на мотив: „Сухой бы я корочкой“*).

Сухой бы я корочкой питалась,
Холодну-б воду я пила,
Лишь власть Советская-б сякая
Сынка в солдаты не брала.

Сынок быть может не вернется,

На поле брани он падет.

И в стороне чужой, далекой

Могилу раннюю найдет.

Сынок мой милый, ненаглядный,

Зачем ты покидаешь мать,

Уйдешь в солдаты и заставишь

Родную мать в слезах страдать.

(*плачет*)

Отец:—Э, старуха... будет тебе, тошно и без того... Эх.

Ваня:—(*весело поет на мотив „Барыня“*).

Эх, мамаша бросьте плакать

Слезы лить и громко ахать

Все поправится

Все уладится.

Знаю я всему сноровку
Снова встану за винтовку
Штука лестная
Всем известная.
Быстро службы срок пройдем
И опять домой придем
Дело верное,
Беспримерное.

Вот.

Отец:—Ну, Ванюха, снаряжать тебя, стало быть, надо... хозяйство то без тебя не то будет... Эх...

Ваня:—Ты, батя, только не ной. Глядишь в отпуск приеду, поработаю. А там и... службы конец... Ну, батя, какнибудь перетерпим... Парни ядреные (*смеется*).

(За сценой пение соседа, тоскливо тянущего бойкий мотив)

Снова в армию забрали
С девками гулять не дали,
Нет на мне теперь лица
Ламца-дрица, ха-ца-ца
Снова взвод и снова рота
Ох, служить мне не охота,
Этой службе нет конца
Ламца-дрица, ха-ца-ца.

(Входит печально в избу обращаясь к Ване)

Не дадут тебе, Иване,
Заготовить впрок заране
Хлеба, дров, скоту сенца,
Ламца-дрица, ха-ца-ца.
Ох зашлют меня отсюда
Не гонял куда покуда
Ни один Макар тельца
Ламца-дрица, ха-ца-ца.
Ох, запрут в казарму роту
Кто возьмет себе заботу
Прокормить мать и отца
Ламца-дрица, ха-ца-ца.
Чтоб понять тако названье
Рота теркомплектованья
Нужно звать мне мудреца
Ламца-дрица, ха-ца-ца.

Отец:—Чтож Павел Петрович, туговато, значит, приходится... забирают, Да... Хозяйство разладится, одно скверно... Уж больно Ванюха хорош помощник. Да и вам видно несладка служба—песенка то грустная была.

Сосед:—Ну, помилуйте, Гаврила Семенович, даже в азарт приходишь. Эти коммунисты ужасные выдумщики. Подумайте только:—новая какая то система в строительстве армии и название ей такое замысловатое и вообще непонятное. А как жить нашим семьям, этим никто не интересуется. Удивительно беспардонные люди.. Ну, вы например, Гаврила Семенович, слышали ли когданибудь „терркомплектование“.

Отец:—Где же нам, Павел Петрович в деревне знать, что в городе делается. Наше дело за хозяйством следить и... вообще, знаете, по хозяйству больше.

Сосед:—То-то и оно, а тут не угодно ли „терркомплектованье“. Нужно прямо удивляться несообразности наших начальств.

Мать:—Ох Ванюшко, не сносить тебе головушки, куда тебя только загонят. *(Снова плачет).*

Ваня:—Ну, довольно реветь. Тут дело интереснее будет. *(Поет частушки).*

Что за теркомлектованье
Враз никак я не пойму,
Видно всех ребяток наших
Забирают на войну.

Забирают всех ребяток
Под винтовочку идем
Всем врагам лихим народным
Мы двойной нельсон загнем.

Мы ребята не плохие
На подбор—фронтовики,
Всех врагов свободы нашей,
Мы поднимем на штыки.

Эх, родные, бросьте плакать,
Слезы неча вам ронять,
Мы врагов страны Советской
В гроб должны скорей загнать.

Сосед:—Вот, Ванюха, ты бродишь по разным собраниям и научился брехать пустые слова, даже удивительно, как люди не понимая, решают крупные вопросы. Я и сам говорю, что это ерунда во всех отношениях.

Ваня:—Что вы тут ни балакайте, а мне нужно к девкам собираться. Время-то немного осталось, девок потом днем с огнем не найдешь. Вот Митька придет за мной, мы и двинемся.

Отец: Ты, Ванюха, брось с Митькой водиться. Нашлялся с ним и поешь разную рвань. Недаром он в комсомольцах состоит, пасхи разные устраивает. Одно слово—безбожник.

Я хоть был официант, официант, официант,
В этом слове все-ж профант, все-ж профант, да,
Нас всех забирают, да забирают, да забирают.
Куда, зачем не об'ясняют.

И поневоле кроешь всех.

Столько лет опять трубить, опять трубить, опять
трубить

Как хозяйство не сгубить, не сгубить, да.
Война... тогда опять налоги, опять налоги, опять
налоги,

И как не вытянуть тут ноги

И теркомплект послать к чертям.

Митя:—То-то и оно. Вот когда я об'ясню, тогда ты не будешь так рассуждать. Вот я тебе сейчас так об'ясню, раньше, когда забирали всолдаты, угоняли за тридевять земель от родины да еще одной кто губернии, так и по полкам то разным распахивали. Вот. А территориальное комплектование, это способ иначе солдат собирать. Где он жил, там и остается.

Сосед:—И из губернии никуда не высылают.

Митя:—Не высылают. Учат военной службе, там, где он живет. При способе теркомплектования мы можем видеть например такой полк Лужский полк, где все солдаты будут из населения Лужского уезда, а батальон какойнибудь, будет называться Троицким батальоном. В нем будут кто служить? Ну-ка скажи Павел Петрович.

Сосед:—Теперь понятно—крестьяне Троицкой волости.

Митя:—Правильно. А какойнибудь взвод будет состоять из нашей деревни и из соседней, а полвзвода, только из нашей.

Отец:—А польза для хозяйства от этого какая? Ну, в губернском городе он будет года два трубить, ну а в хозяйстве все-таки работника не будет.

Митя:—В том-то и дело, что будет. Милиционная армия, это новую армию так называют, берет к себе солдат на обучение месяца на два—три, во. Остальное время, каждый только числиться где то в части, а работает дома.

Сосед:—Значит нас обучать будут у себя в губернии и даже в уезде и два месяца всего.

Митя:—Правильно. Это первый год два-три месяца, а следующие года будут обучать, чтобы не забыли от двух до трех недель. Ну вот теперь, Гаврила Семенович, скажите как лучше служить по старому или по новому.

Отец:—Ну, ясно, Митя, что по новому. Тут хозяйство не распустится, если работник дома почти целый год сидит. Славную штуку выдумали. Только одно мне не понятно.

Митя:—А, что?

Отец:—А правительству какая польза?

Митя:—Правительству тоже пользы много. Раньше все налоги, которые с народа собирали, все на солдат тратили. Ведь целый год изволь такую армию кормить, одевать, обувать—денег не напасешься. А в случае попросят денег на школу, больницу построить—нету денег, не хватает. Все брат, армия сожрала. А теперь ежели два месяца служить будут, так и расходов меньше станет. Правильно?

Сосед:—Правильно.

Митя:—А расходов меньше почти на половину. Значит у государства есть деньги и школы строить и больницы. На все денег хватит. Вот какая польза от милиционной армии. Ну, как, теперь понятна польза и выгода, милиционной армии.

Отец:—Теперь, мне, Митя, нравится эта самая милиционная армия. Главное—хозяйство не разрушится. Обстоятельная затея.

А только ты вот что мне скажи, Красная то Армия неужели, значит, так таки совсем и упраздняется? Не будет ее значит?

Митя:—Нет, дядя Гаврила, постоянная Красная Армия как была, так и останется и только часть ее переводится на новую систему.

Сосед:—А скажите, пожалуйста, на кой ляд, извините за выражение, она тогда нам нужна будет и почему нельзя этот самый благоразумный фортель, полностью, значит, выкинуть.

Митя:—А очень по простой причине. Дело устройства Армии на территориальных началах дело новое. Оно требует осмотрительности и постепенного подхода. Сразу, с бухты барахты такую армию, чтобы она и страну обороняла и хозяйство не разрушила—не сколотишь, торопиться в таком деле нельзя.

Сосед:—Известно „поспешишь, людей насмешишь“.

Митя:—Ну вот, теперь скажите ка мне, вполне ли мы безопасны от нового на нас нападения белогвардейцев?

Отец:—Известно—нет. Они проклятушие только и смотрят, где бы это нас в слабое место ковырнуть.

Митя:—То-то и оно.

Ваня:—На митинге и то оратор говорил „Фронтов—нет, опасность, есть“.

Митя:—Во, во. А раз опасность есть, значит, нужно иметь на страже Красную Армию, которая бы пока мы станем новую систему в жизнь проводить, да территориальные полки строить, от нападения врагов нас застраховала. Вот зачем Красная Армия, и остается. Ясно?

Отец:—Ясно. То есть разжевал и в рот положил.

Митя:—Ну, вот значит и хорошо и последнее сомнение под орех разделал.

Об'яснил всем ясно
Теркомплектованье,
Встанет за винтовку
Всяк без колебанья.
Старая система
Не нужна нам стала
Красная милиция
Всех завоевала.
За спиной винтовка
Серп в руках и молот,
Никогда к нам не заглянет
Бич народа голод.
Все опять наладим
Армией такою,
Возстановим всю страну,
Мощною рукою.

Ну Ванюха, двигаться надо, а то девки пождут, пождут, да и плюнут. Живо собирайся.

Мать:—Эво н, к нам Федор Кузьмич двигается. Должно тоже на счет новостей. *(входит солдат, слегка на веселе)*.

Солдат:—Здравия, желаю, как живете можете. Разговорами занимаетесь?

Отец:—Да, вон, Митя нам на счет новой армии об'яснил. Интересная история, хозяйственная. И как только додумались.

Солдат:—Пхе... Выдумали на свою голову. Где это видано, чтобы в несколько месяцев всю службу унюхали. Что то непонятно.

Сосед:—А это верно, Федотушка, я сперва даже сам не сообразил.

Солдат:—То-то и оно. Я уж знаю *(поет на мотив „пожар московский“)*.

На белом свете, что творится
При всем желаньи, не понять,
Солдатом быть-так поучиться
Нам надо года три иль пять.

Ну, что за армия, что скоро
Войны науку хочет знать,
Что на спех сделано—не споро,
Всем ясно—им же не понять.

Я службу царскую усвоил.
Я спец, военных мастер дел,
Но в месяц роту-б не построил,
Хотя б желание имел.

К чему тогда все разговоры,
Муштра учебы нам нужней.
Казарму дай, отброся споры
Вот это, каждый разумей.

Вот, что нужно делать. Да.

Митя:—Вот вы, дядя Федор, так рассуждаете, а сами не знаете, что такое милиционная армия.

Солдат:—Да чего там ее знать, когда явственно видно, что это за штука.

Митя:—Вот вы, дядя Федор пели, что нам нужна муштра.

Солдат:—Нужна.

Митя:—Разве на фронте, дядя Федор, ходили такими стройными рядами, как на параде?

Солдат:—Так то фронт. На фронте целый день в яме лежишь или верст по сорок отмачиваешь, тут брат не до парада.

Митя:—А нам нужен, дядя Федор, солдат фронта, который бы верст 40 прошагал и не устал бы. А то время, уходящее раньше на обучение „как на парады ходить“ мы лучше дома проведем, по хозяйству ладить будем.

Отец:—Правильно, Митюха.

Митя:—А что такое казарма. Это, значит тебе нужно года два в ней сидеть в заперти. А милиционная армия говорит: „Нам казармы не нужно, иди лучше домой, работай там“. Так что, лучше в казарме сидеть или по хозяйству работать?

Сосед:—А Митюха правильно говорит. Мне гораздо полезнее дома по хозяйству работать, чем в казарме баклуши бить.

Солдат:—Все это верно, только где же им выучиться в два месяца, вот уж никак не понимаю.

Митя:—А для этого у нас, дядя Федор и существует допризывная подготовка. Каждый до призыва простые правила военной службы проходит, играми и упражнениями здоровье свое закаляет. А как год призыва настанет, он тебе и по военной службе малость знает и парень здоровый. Тут его немножко подучить и солдат на ять будет. А чтоб не забывал он, так каждый год недели на две на три собираться будут вместе со всеми и повторять старое.

Солдат:—„Духу у них воинского не будет“, вот, что.

Митя:—Нет, дядя Федор, и тут наши ребята покروют. Раньше ты небось, не знал толком куда тебя на войну гонят, а?

Солдат:—Раньше известно дело, за царя батюшку воевали.

Митя:—Ты вот раньше ни за что ни про что за „батьку царя“ шел. А теперь каждый будет знать, что он за свое село идет. Мы войны не хотим и не полезем, а ежели на нас кто сунется, ну тогда держись. А какойнибудь полк состоит из какойнибудь губернии, все между собой знакомы. Вот ты и раскумекай, какой полк крепче, где все земляки или где и хохлы, ленинградцы и москвичи и архангельские и в общем все разные. Ну.

Солдат:—(пауза) А верно, брат, Митя, правда то твоя, головсй то повертишь, глядишь все наружу и прет. Здорово (поет на мотив „лучинушки“).

Все теперь мне стало ясно,
Хоть никак не мог понять,
Разговор был не напрасный,
Враз усвоил все на ять.

Нет казармы—это ловко,
Как же тут не горевать,
А военную сноровку,
Каждый должен знать на пять.

Каждый знает без муштровки,
Строй военный, толк в стрельбе,
Все, что нужно о винтовке
Всей понятно голытьбе.

Все, что слышал, это крепко,
Стало все теперь милей,
Ученик наш малолетка,
Крепче стал учителей.

Старый взгляд стал непригодный.
Все ненужное ушло,
Новой армии народной,
Красно солнышко взошло.

Митя:—Ну, вот, теперь, кажется, все об'яснил, ажно запарился. Ну, теперь, значит, не бойтесь на счет мобилизации. Дело совсем простое.

Сосед: А надо признаться, я было, здорово испугался. Чорт его знает, опять думаю, война какаянибудь, леший тут раберет.

Митя:—А я вот и говорю, прежде, чем себя пугать и слухи разные распространять, надо всегда толком все узнать, а потом уж и разговаривагь. Ну, я тепер думаю, все на счет милиционной армии разобрались.

Отец:—Что и говорить шгука хозяйственная.

Митя:—А всем на прощанье песенку спою; а потом с Ванюхой к девкам пойдем, а то вот он сидит насупившись, как филин.

Ваня:—Ты, там пой пой, а я с тобой рассчитаюсь.

Митя:—Ишь ты брат какой страшный... Ну, ладно, сейчас. *(поет на мотив „светит месяц“).*

О чем раньше все мечтали,
Удалось теперь создать,
Нас враги кругом сжимали,
Приходилось только ждать.

Грозный гнет в стране промчался,
Порвались покровы ночи,
Молот взяв—заулыбался,
Мира царь—творец рабочий.

Не страшны теперь блокады,
Капитала злобен взор,
Новой армии отряды
Явят должный всем отпор.

Раз'яснил я все сомненья,
Кто не понял вновь скажу...
Видно все, ну без стесненья
Пойду к девкам посижу.

Солдат:—Славный хлопец, ты Митюха, так здорово об'яснил, что лучше не надо.

Отец:—Что говорить—хозяйственная армия.

Ваня:—Вот он с вами пробалалакался, а мы к девкам опоздали.

Отец:—Ладно, успеешь.

Митя:—Ну, а теперь нам вместе надо спеть? Правильно.

Солдат:—Верно, точно так.

Сосед:—Правильно Митюха.

Митя:—Ну, сразу, хором *(поют на мотив „темнеют, темнеют фонари“).*

Теркомплектованье
Нам всего милей,
Бросим колебания
Гнет с души своей.
Все теперь усвоили
Стало ясно всем,
Все-б так перестроили,
Хорошо-б совсем.

(Припев).

Дзинь, дзинь, дзинь, поем и веселимся
Дзинь, дзинь, дзинь, набора не боимся.
Время ведь другое, радостен наш взгляд,
Встанем за винтовку дружно, стройно в ряд.

Теркомплектованье
Должен каждый знать,
Всем же на прощанье
Хочется сказать:
Нет муштры, казармы,
Век пришел иной,
И без них готовы
Мы всегда все в бой.

(припев).

Дзинь, дзинь, дзинь, поем и веселимся,
Дзинь, дзинь, дзинь, набора не боимся,
Время ведь другое, радостен наш взгляд,
Встанем за винтовку дружно стройно в ряд.

(З а н а в е с).

В. ЕФИМОВ.

КОМСОМОЛЕЦ МИША.

Терпеска в 1-м действии.

Соч. Влад. ЕФИМОВА.

669098

ВОЛОГОДСКАЯ

ДЕИСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

1. Граф Белый (агент капитала).
 2. 1-й агент.
 3. 2-й агент.
 4. 3-й агент.
- } помощники Белого.
5. 1-й рабочий.
 6. Рабочий Главарев.
 7. Комсомолец Мишка.
 8. Рабочие.

КОМСОМОЛЕЦ МИША.

Пролог.

В блестящем военном мундире, вылощенный выходит перед занавесом граф Белый. Несколько времени прохаживается военным шагом, мурлыча мотив: „На солнце оружием сверкая“, потом начинает петь, на этот мотив, встав в гордую позу:

В страну где царит СССР,
Где нас удушили в конец,
Я белый, джентлменистый сэр
Качу, как преопытный спец,
Монетки бренчат по карманам
А в банках остаток сокрыт
Коль все-бы удалися планы
Еще кое-что забренчит.
Про все понемногу узнаю
Делишек ей-ей натворю,
По нотам я все разыграю
Узнают про силу мою.
Не даром я враг коммунаров
И злейший, не скрою от Вас
За все наподдам я им жару
В последний, решительный час.
Так смело в опасные дали
К победе, к сверженью врагов
Я сделаю все, чтоб узнали
Про силу моих кулаков.

(уходит под музыку за кулисы).

Занавес раздвигается под мелодию „Чум-чара-чурара„. На сцене группа рабочих. Часть делает гимнастические упражнения (вольные движения выполняемые спорт-кружком) а часть подпевает, как-бы аккомпанируя маленькому спорт-выступлению.

Х О Р.

Сила и здоровье в нас
Чум-чара-чурара.
Капиталу грозный сказ
Вот так, да-да

Трудовой страны сыны
Чум-чара-чурара.
Все готовы для войны
Всегда, да-да
Всяк терармии боец
Чум-чара-чурара.
Все армейцы и конец
Да-да, да-да.
Оборона для страны
Чум-чара-чурара
Крепко держим молот мы
Всегда, да-да.
Мы винтовку изучая
Чум-чара-чурара.
Труд родной не забываем
Всегда, да-да.
Изучай винтовку всяк
Чум-чара-чурара.
Вам не будет страшен враг
Всегда, да-да.

(Вбегает граф Белый. В руках приказ о призыве в территориальные части).

Граф Белый.— Война, война. Какой ужас.

Все—*(недоуменно)* Война?

Белый:— Да.

1-й рабочий—*(выходя)* Вы сказали война? Почему? Кто Вам сказал?

Белый:— Вот, вот читайте.

1-й рабочий—*(читает приказ)*— Призыв в территориальные части. *(вопросительно)*. Здесь про войну, про открытие военных действий ничего не сказано.

Белый:— Виноват. Забирают четыре года?

1-й рабочий:— Да. А, что?

Белый:— Так ведь всякая война ознаменовывается усиленным набором в армию. Забираются все силы, насколько это возможно. Значит это, прямое доказательство начала войны.

Все:— Ха-ха-ха. *(голоса:)* „Вот так об'яснение“— „Здорово“ „Ай да иностранец“— „и войну припдел“.

1-й рабочий:— Ах, товарищ. Как вы еще плохо осведомлены обо всем что делается в нашей пролетарской стране, хотя уже давно прибыли из за границы.

Белый:—*(уж растерянный)* Так в чем же дело? Об'ясните.

1-й рабочий:— Вы знаете государственное устройство Швейцарии?

Белый:— Да, да прекрасно.

1-й рабочий:—Вы знаете, что у них постоянной армии нет, т. е. призываемой на несколько лет и тем самым отрываемой от производства, от хозяйства, а есть армия милиционная, т. е. краткосрочная, благодаря чему ни один гражданин не отрывается от основной работы. Обычно забирают несколько лет, чтобы охватить большее количество граждан. Только между нами и Швейцарией есть маленькая разница, но очень большая по существу.

Белый:—Разница, а какая?

1-й рабочий:—Швейцария страна буржуазная, а мы пролетарская. Буржуазное государство вооружает только то население, которое ему не встанет на дороге. Рабочий и бедняк крестьянин никогда не были другом капиталиста, значит они и не нужны как хранители оружия. Они всегда могут повернуть и направить его в сторону угнетателей. Это и учитывает буржуазная Швейцария. У многих ее граждан хранится на дому и обмундирование и оружие, но у Швейцарских рабочих оно отбирается, как только они уходят с краткосрочной службы. А мы, вообще, в армию берем только трудящихся. Вот и вся разница.

Белый:—Я еще не все уяснил как следует.

1-й Рабочий:—Ничего год ваш, кажется, подходящий. Попадете в территориальную часть вам все расскажут.

(Голоса) „Так расскажут любо будет“ „Все ясно станет“ „Сразу раскумекаешь“.

2-й рабочий: *выбегая*—Товарищи на собрание. Скорее. (все рабочие строясь начинают петь на мотив „Серая шинелька“).

Взвейся песня выше
Шире разлетись
Эй рабочий всюду
Бодро встань, проснись.

П р и п е в:

Эх, славная терармия
Ты оплот страны
Молот и винтовку
Крепко держим мы.

Вместе с ковкой четкой
С пением станка
Изучай винтовку
Ты в рядах полка.

П р и п е в.

Знай военно дело
Мир труда зовет
Изучай умело
Как родной завод.

П р и п е в.

Коли враг коварный
Пустит в ход клыки
Силой крепкой жарнем
Вздернем на штыки.

П р и п е в.

(С пением рабочие расходятся. Сцена пустеет. Один Белый отделившись от всех, остается).

Белый:—Фу, чорт возми, как попался. Революционер рабочий, с маркой иностранца—подпольника, борца за пролетариат и так втяпался. Однако довольно забавная штука эта армия. Надо все про нее толком разузнать, чтобы уж во второй раз не попасться. Прескверное положение.

(поет на мотив „Настало нам разлуки время“)

Что за Советская Россия,
Из года в год готов сюрприз.
Ведь пролетарская стихия
Погонит сверху нас на низ.
Какой уж год деремья рьяно,
А все победы не видать
Воссоздает страну упрямо
Страна, где нас не розыскать.

Рабочих в армию таскают
А им как будто нипочем
Ну пусть они теперь узнают,
Что не легко нас жрать живьем.
Посмотрим кто кого об'едет,
Кто похитрей и половчей
И кто из нас придет к победе,
Посмотрим кто кого сильней.

Да, чорт побери, придется кой к кому понаведаться и выработать план действий. Попадаю в армию, значит новая работка. Надо проверить бумаги да и двинуться в дорогу, пока не поздно. *(Проверяет бумажник и роняет одну пачку бумаг, не замечая уходит. Выходит глядя в след Белому, Мишка комсомолу).*

Мишка:—Эге. Куда то опять запрыгал. Не нравится мне этот фрукт. Ой, как не нравится. И рожа подозрительная и шляется частенько куда то. *(Замечает пакетик с бумагами).* Гип-гип. Ура, ни как это крыса заморская уронила бумаги. Посмотрим *(поднимает)*. Не по русски. Ни черта. У нас народа хватит, чтобы разобрать эту писульку. А все таки это находка. Как только этого шпандаря накроют, я вмиг за наградой. *(Важно)*. Потру-

дители направить в высшее учебное заведение. Мы комсомольцы народ напористый. Насчет „грызи науку“ первые ходоки (поет на мотив „Вдоль да по речке“).

Комсомолец бравый
К знанию с отвагой
Путь свой держит завсегда
Может грызть науку
В этом даст поруку
Сын страны где власть труда.

П р и п е в:

Эх, в борьбу за знание
Бодро со стараньем
Пролетарский молодняк
А коль враг нагрянет
За винтовку встанет,
Сразу дрогнет хищный враг.

Чтоб бойцом быть смелым
Все военно дело
Все в терармии пройдем
Мы народ упорный
Службу всю проворно
Как по нотам разберем

Э, да никак сам Главарев идет. Вот мы с ним сейчас и раскумекаем бумаги. Нюх у меня тонкий, чую в этих писульках есть для нас не мало интересного (*входит рабочий Главарев*). Товарищ Главарев на одну минуту по весьма важному делу. Я в роде отделения ГПУ за одним фруктом подслеживаю и кажется не зря.

Главарев:—Что? За кем?

Мишка:—А вот заграничный. К нам на завод поступил недавно. Физия очень подозрительная.

Главарев:—Нет товарищ. У него отличная рекомендация. Работник прекрасный. Правда, он не особенно в курсе наших дел, но думать, что товарищ прибывший из за границы не совсем честный не приходится.

Мишка:—Я всегда товарищ Главарев придерживаюсь одного мнения, что комсомольцы пытливая комбинация. Посмотрите, что за бумажки уронил, иностранец то наш знатный (*подает Главареву*).

Главарев: (*читая*)—Что.... что...., Ах, чорт возьми, вот подлая скотина. (*к Мишке*) Верно, ваши слова оправдались товарищ. Этот человек очень опасный и до такой степени, что его надо обезвредить немедленно. Вы сейчас идите на завод и предупредите, чтобы за этим субчиком следили и не спускали с него глаз, а я кой к кому загляну. Времени терять нельзя (*уходит*).

Мишка: (*один*)—Тра-та-та, тра-та-та, вышла кошка за кота, за кота котовича, за Петра Петровича. Здорово. Теперь держись буржуазная харя, присыплем по первое число. Ну, надо бежать, предупредить товарищей (*убегает*).

(*Сцена некоторое время пуста. Выходит Белый и несколько человек в костюмах рабочих*).

Белый: Не забудьте основную задачу, рассеять веру в территориальную армию. Вам ничего не грозит. В нужную минуту вы улизнете, а одураченная масса не с такой уже охотой будет браться за винтовку. Главное—напор и напор. Благо на заводе не будет толковых ораторов, так это вовсе не трудно.

1 агент.—В этом отношении не беспокойтесь. Лучшие доказательства приготовили (*все поют на мотив „Шумел пожар московский“*)

Мы облапошим всех рабочих,
Никто не вскрыет наш обман.
К победе верной и надежной
Дойдет наш буржуазный стан.
Насчет терармии размажем,
Рабочих множество проймет,
Уж после этого наверно,
Никто в терчасти не пойдет.

Мы так расставим наши сети,
Ведь всяк из нас лихой боец
Что попадут без подозренья.
Победный мы возьмем венец.

Белый:—Замечательно. Главное не забывайте—напор... Вон, как раз, сюда плетется рабочая орда. У них тут частенько собираются. Ну-с, господа, приготовьтесь и за дело. Я вас представляю. (*Входит группа рабочих среди них Главарев и Мишка*).

Белый: Вот кстати, товарищи, тут несколько рабочих с соседних заводов пришли с вами поговорить. Я человек еще не совсем освоившийся с местными условиями, поэтому удовлетворить их запросы не мог.

Главарев (*выступая*)—А в чем дело товарищи?

Мишка (*в сторону Белого*)—Ну и шайка собралась. Послушаем.

1-й агент.—Мы, товарищи, относительно мобилизации. Не считаете ли вы, что это пустая и ненужная затея, явно приносящая рабочему классу вред.

Главарев: Почему вы так думаете. Я, как раз, придерживаюсь обратного мнения.

2 агент: А интересно-бы знать, по каким причинам? Почему вы думаете, что мобилизация в новые части польза для нас?

Главарев: Хорошо, я удовлетворю Вашу просьбу (к своим рабочим) Садитесь, товарищи, беседа будет интересная. (К агентам). Рабоче-крестьянское правительство начало строить армию на территориальных началах исходя из таких соображений: во первых,—рабочих и крестьян забирают в территориальные части на очень короткий срок от 2-х месяцев до трех недель. За это время рабочий не увольняется с места службы и вот вы видите результаты. Трудящиеся отрываются от производства на короткий срок, тем самым не нарушая хозяйственного восстановления страны. Этого не могло быть в постоянной армии где отрывали от работ рабочих и крестьян на 2—3 года.

3-й агент: Прекрасно. Так разве можно выучить в такой короткий срок угоняя красноармейцев—молодняк за тридевять земель?

Главарев: Виноват. Территориальная армия, потому и носит такое название, что обучение молодых и неопытных бойцов происходит по месту их жительства. Иначе говоря—их никуда не угоняют и не будут угонять, что очень редко бывает в постоянной армии. Из этого следует, что такие короткие сроки обучения не позволяют заниматься муштрой и учебой как шагать на парадах, а заниматься исключительно накоплением военных знаний и физической подготовкой, что очень необходимо и нужно во фронтовой обстановке. А благодаря военному обучению по месту жительства, достигается спайка между терармейцами, благодаря знакомству друг с другом и общим запросам и интересам. А так как территориальные части ставят своей задачей только оборону государства от хищнических нападений, то это еще более укрепляет боевую мощь территориальных частей.

1-й агент: Ну, предположим, что рабочим, как будто бы выгодно служить в территориальных частях, ну, а государству что толку?

Главарев: Государство ясно будет иметь определенную выгоду от такой организации военных сил. Неужели вы думаете, что содержать постоянную армию, выгоднее, если сроки обучения там два и три года. Ведь надо накормить, одеть и содержать весь этот срок громадное количество народу, не приносящего, в мирное время государству никакой пользы, ибо постоянная армия сама ничего не производит и не может быть занята на другом производстве. А территориальная часть почти весь год освобождена от военных занятий. Ясно, что деньги, шедшие раньше на содержание постоянных армий, теперь найдут на восстановление страны и только часть на территориальных части. Кроме того, транспорт не перегружен

перебросками военных частей, что тоже помогает народному хозяйству. Видите, как облегчает государство, организация новых частей. А чтобы мы не ослабили свой боевой мощи, постоянная армия не распускается, но значительно сокращается и это делается потому, чтобы в нужную минуту отбить охоту у некоторых заграничных спрутов-акул.

3-й агент: Неужели вы думаете, дураков прямо нашли, обучать в один месяц военному делу. На словах-то все можно.

Главарев: Раньше времени не надо так говорить. У нас для этого и существует допризывная подготовка, которая позволяет до призыва выучить наиболее простые и нужные военные знания и укрепить физически, сделать выносливым и сильным каждого допризывника. А когда он вступает в территориальную часть ему нужно только повышать и укреплять полученные знания. А в нужную минуту, когда враг ошетинится, строим штыков мы сможем выставить громадную армию, по боеспособности не уступающую постоянной. А в наших условиях, в условиях трудовой страны, мощь новых частей будет налицо, ибо все будут знать, что оборона— вот основная цель новых частей и нашего пролетарского государства. *(Мишка во время объяснения Главарева суетится около рабочих. Постепенно позади каждого из агентов и Белого образовывается группа).*

2-й агент: Во всяком случае это ерунда, благо на словах, расписать все можно. Дураки будут те рабочие, которые поверят этой брехне. Шарлатаны у вас правят, вот кто.

Главарев: Нет, господа, не мы шарлатаны, а вы. Ваша подлецкая работа не удалась, но мы вознаградим вас по заслугам. Возьмите их товарищи. *(Рабочие бросаются на агентов. Белый выхватывает револьвер и бросается вперед, желая пробить дорогу, но Мишка бросается под ноги— Белый валится. Всех уводят в сопровождении рабочих. На сцене остается один Мишка).*

Мишка: Труля-ля, труля-ля. Здорово. Ай да комсомольцы. Ай да Михаил Андреич. Эку штуку сварганил. Здорово. *(Поет на мотив— „Алеша-ша“).*

Я недаром комсомолец боевой
Новых армий будущий стрелок
На посту стою, как верный часовой
Ведь не даром харям этим дал урок
Эх, капитал возьми полтона ниже
Брось страну труда пугать,
Не подсаживайся ближе
Мы сумеем поунять.

Пролетарский буду я студент,
Я к науке век стремлюсь,
Получу теперь я документ
И над книгами склонюсь,

Эй, лень, тоска возьми полтона ниже,
К знанию я лечу стрелой,
Не подсаживайся ближе
Я теперь сам не свой.

(Под конец песни возвращаются рабочие во главе с Главаревым. Тот подходит к Мишке и подает руку).

Главарев: Ну, Михаил Андреич, большое вам спасибо. Вы сделали большое дело. За это вам большое, еще раз большое спасибо.

Чем-то только вас отблагодарить?

Мишка: А не так чтобы очень много. Отправьте в высшее учебное заведение. Хочу быть пролетарским студентом.

Главарев: Ну, Миша, ты просто обрадовал. Большое дело сделаешь коли пойдешь учиться *(к рабочим)* Вот, товарищи, берите пример с комсомольца Миши. Хороший вам будет товарищ.

За все, что он сделал и просил нужно качнуть его ребятки. *(Голоса „Правильно“ — „Браво Миша“ „Качнем“ Мишку качают).*

Главарев: А теперь споем нашу песню терармейскую *(голоса—„Даешь“—„Давай“)*. *(На мотив „Как родная меня мать провожала“)*.

Мы терармии бойцы
Да лихие,
На подбор все молодцы
Удалые.

Мир рабочий трудовой
Со сноровкой
Встанет мощною стеной
За винтовку.

Не дает гигант завод
Остановки,
Коль пойдет за взводом взвод
Шагом четким.

Мы терармии сыны
Коли нужно
Как об'явится война
Встанем дружно.

А сейчас к учебе путь
Нам положен
Путь обратно в тьму и жуть
Невозможен.
Взвейся песня веселей
И с охотой
За учебу все скорей
Без заботы.

Занавес.

Влад. ЕФИМОВ.

ВЕРНУЛСЯ.

Пьеса в 2-х действиях.

Соч. В. НЕПЕИНА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. **Сидор Кузьмич**—зажиточный крестьянин 52 лет.
 2. **Марья Семеновна**—его жена, 46.
 3. **Алексей**—сын, терармеец.
 4. **Анюта**—доч, 18 лет.
 5. **Ваня**—младший сын, 13 лет.
 6. **Евсеевна**—старуха соседка, вдова, 58 лет. Ее сына убили в империалистическую войну.
 7. **Поп Афанасий**.
 8. **Василий**—терармеец, из соседней деревни, товарищ Алексея.
- Деревенские девушки и ребята.

ВЕРНУЛСЯ.

ДЕЙСТВИЕ 1-е.

За неделю до роспуска терчастей. Крестьянская изба. Посредине задней стены—входная дверь. В правом углу русская печь. Посредине избы—стол со скамьями. Направо и налево—по одному окну, возле окон скамейки.

(Сидор Кузьмич сидит на лавке у окна, с левой стороны Марья Семеновна убирает со стола посуду после обеда).

Сидор Кузьмич:—Ну вот, говорил я тебе. 3 недели на исходе. Где Алексей-то. Заладила свое, как сорока: придет, да придет. Ну и жди. Осень целую и зиму прождешь. Теперь Алексея-то и с огнем не сыщешь. Это только вначале так говорили, что вот, мол, через 3 недели вернется, к работам поспеет. Вот-те и 3 недели.

Марья Семеновна:—Полно, Кузьмич, пужать-то. До сроку-то еще неделя, почитай, осталась. Чую я, что вернется Алешка, как говорил, во, время.

Сидор Кузьмич:—Ну, опять за свое. Нишкни... Куда тебе с твоим бабьим умом соваться, коли ты дальше своего носу ничего не видишь. Знаю я службу-то военную, чай сам испытал. Какие тут 3 недели и в 5-то лет не всякому давалось.

Евсеевна:—*(Входя).* Здравствуй, Сидор Кузьмич. А я к тебе, Семеновна, не дашь-ли ты подойничка. Забаловала намедни у меня Пеструха-то, ну и разбила. Я уж как обржусь, так сейчас обратно тебе и принесу.

Сидор Кузьмич:—А я вот, Семеновне-то моей, Евсеевна, сейчас говорю, не вернется, мол, Алешка к сроку. Угонят его еще куданибудь. Дура баба: уперлась, на своем стоит: придет, да придет. Скажи-ка, Евсеевна, как по твоему—чья правда будет.

(Марья Семеновна в это время достает с печи подойник).

Евсеевна:—Твоя правда, Сидор Кузьмич. Твоя правда, касатик. Ох, угонят Алешку-то. На войну угонят. Может и вовсе не вернется. Вот как и мой Федя. Ныне вот десять годков будет, как его в армию-то забрали. Сначала тоже говорил—скоро приду. Мы, мол, всю немцу единым духом расколотим. А вместо этого получила я известие

из волостного правления, что, мол, ваш сын пал на поле брани, за веру, царя и отечество. Ох, не быть добру, Сидор Кузьмич, не быть.

Марья Семеновна:—*(стоя около печи, слушает и утирает глаза передником)*. Да ведь нету сейчас войны-то, да слышала я, что ее и вовсе не будет...

Сидор Кузьмич:—*(перебивая)*. Да откуда слышала-то. Что Коробейников-то Пашка болтает, так слушай его, не то услышишь. Недаром в „консомольцах“ состоит, газеты разные читает. А все брехня одна. Правды-то ни на грош.

Марья Семеновна:—*(вытирает подойник и подает Евсеевну)*.

Евсеевна:—Ну, так я и пойду. Спасибо, Семеновна. Прощения прошу, Сидор Кузьмич. *(Уходит)*.

Анюта:—*(в окно)*. Тятя, к нам отец Афанасий идет.

Сидор Кузьмич:—Слышь, Марья. Прибирай-ка поскорей. Отец Афанасий беспорядку не любит

Поп:—*(входит)*. И ныне и присно. Хозяину и хозяйшке. *(Садится к окну направо)*. Ох, умаялся я, в Антипино ходил, должишко получить с Микиткина сына, за свадьбу. Ну и народ нынче пошел. Охальники просто. Оскудела вера православная. Лошади не дал Микита-то. Говорит, мол, устала, снопы возил. Даром, что снопы, а ты дай. Господь-то сторицею-те воздаст. Ведь не могу же я 3 версты пешком идти... Ну как, у тебя, Кузьмич. Скоро Алешка вернется?

Сидор Кузьмич:—Мое такое рассуждение, отец Афанасий, что не придет долго еще Алексей. Пустозвон один был: 3 недели... 3 недели...

(Марья Семеновна прибирает со стола посуду).

Поп:—И не придет, как есть не придет. Так и будет, как я говорил. Таковую ему там территориальную армию пропишут, на век будет помнить. Недаром и в писании сказано:.. „Закон его же не преидеши“. Военная служба, это, брат, наука вострая.

Сидор Кузьмич:—Справедливо, отец Афанасий. *(Глядя в окно)*. Ишь, Карько опять в овес попал. Пойти загнать. *(Уходит)*.

(Поп некоторое время сидит молча. Покашливает и наконец обращается к Марье Семеновне, стоящей около печки).

Поп:—Семеновна, а ты за молебствие-то, что намедни было о солнышке, как уговорились, мне все значит принеси. И яйца, и масло, и сметану. Мучки тоже захвати пудика два.

Марья Семеновна:—Принесу, батюшка, принесу. Только вот ведра-то *(хорошей погоды—по местному)* все никак нету. Прогневали видно бога мы грешные.

Поп:—Не ропщи, Семеновна, грех роптать. Захочет бог и ведро будет. Все в его воле. Ну, одначе, я пойду. Где Кузьмич-то.

Марья Семеновна:—А в овине, Карька загоняет. *(Поп уходит)*.

Марья Семеновна:—*(некоторое время стоит молча. Подходит к окну направо. Садится и, закрыв лицо руками, плачет)*. Ох, Алешенька, ненаг..ля..ядный ты мой... Возвращался бы скорее, сердце изныло.

Вбегают Ваня:—Мамка, а мамка... *(запыхавшись, торопливо)*. Коробейник Пашуха в городе был. Приехал сейчас, всем рассказывает...

Марья Семеновна:—*(перебивая)*. Да говори толком-то, что он узнал. Не пужай.

Ваня:—Да чего пугаться-то, мамка. Говорит был в городе. Всех наших, и Алексея, видел. Живут, говорит, хорошо. Кажинный день, почитай, по городу ходят с ружьями и песни поют. А через неделю, сказывает, вернутся все.

Марья Семеновна:—Ваня, светик ты мой. И Алеша придет.

Ваня:—Придет, мамка. Все придут. Да вот, постой, писулька от Алексея-то есть.

Марья Семеновна:—Где... Где? Давай...

Ваня:—Вот... *(достает из-за пояса)*.

Марья Семеновна:—*(берет, смотрит. Потом кричит в окно)*. Анютка... Анютка... Позови отца-то, скажи—письмо от Алексея пришло. *(В сторону крестясь)*. Дай-то бы бог.

Сидор Кузьмич:—*(входит, за ним Анюта)*. Что письмо. От Алексея. Ну, читай, Анютка, да только погромче. *(Анюта читает)*.

Анюта:—„Дорогие тятя и мама. 3 недели службы уже на исходе. Скоро нас отпустят и я опять буду дома с вами. Здесь, в терчасти я многому научился и многое узнал. К винтовке приобьик и за свою власть народную теперь сумею постоять. Живем мы в бывшем монастыре, а в церкви у нас театр сделан. Насчет бога, мы все теперь знаем, что это за лавочка. Довольно темный-то народ морочить. И никаких чудес нет. Бог не может ни дождя, ни хорошей погоды сделать, а все зависит от природы. Так что теперь попу Афанасию нашему, как вернемся мы,—крышка, значит, будет. Довольно, поцарствовал. Как вернусь, все расскажу обстоятельно. А пока до свиданья. Ваш сын Алексей“.

Сидор Кузьмич:—*(молчит)*.

Марья Семеновна:—Ну-ка, что Кузьмич, моя правда-то выходит. Вернется Алешка.

Сидор Кузьмич:—Ну, твоя или не твоя, а только чудно мне право. Раньше мы по пяти лет служили, а теперь вон нако-ся и всего-то 3 недели. Запутали меня. Одно слово совсем по новому.

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ II-е.

В день роспуска терармейцев.
(Обстановка I-го действия).

Марья Семеновна и Анюта прибирают избу. Первая то и дело подбегает к окну и смотрит в него.

Анюта:—Мама, а мама... Сегодня Алеша-то из города придет... А...

Марья Семеновна:—Сегодня, сегодня. А ты прибирай. После наговоришься. Надо ко времени все прибрать.

Анюта:—А с Алешей-то и все наши придут. И Василий из слободки тоже.

Марья Семеновна:—Ишь, загорелось. И Василий придет. Небось, нарадоваться не можешь. Ждешь, тоже, чай... Ну делай, делай... Нечего болтать-то.

(Некоторое время молча прибирают).

Марья Семеновна:—Ну, Анютка, тут я сама закончу, а ты поди ведра в сенях возьми, да за водой сбегай. Надо самовар приготовить. *(Анюта уходит).*

(Слышен шум под'ехавшей телеги, входит Сидор Кузьмич. К рубaxe пристала солома—он возил снопы).

Сидор Кузьмич:—Ишь прибралась... Что на Христов день. Не можешь дождаться Алешки-то. Чай от окна не отходишь. *(Пауза).* А верно, ведь, Семеновна, оно и лучше, кабы сейчас Алеха-то пришел. Как раз страда наша, мужицкая, началась. Умаялся я сегодня, снопы возивши. А ведь молотьба еще на носу. Работник-то и необходим. Так что я и сам рад не меньше твоего. А ты уже, тово, меня прости, что я раньше другое говорил. Теперь вот даже попросил Пашуху почитать, что в газетине-то про новую армию прописано. Понял кое-что. А теперь жду Алешки. Об'яснит парень все.

Марья Семеновна:—Полно, Сидор Кузьмич, голубчик. Да я вовсе и не в обиде на тебя за твои слова прежние. Я ведь баба темная, глупая. Где уж мне. А ты вот и сам на службе был—знаешь. Только чуяло сердце у меня, что

придет Алексей во-время. Верила я вот, почему-то, в эту новую армию. Глядишь, и правда вышло.

Анюта:—(входя). Мама... я воду принесла, в сенях оставила.

Сидор Кузьмич:—Что, Анютка, пирком да и свадебкой, с Васильем-то, говоришь. Как придет, сейчас вас и обвенчаем. Довольно погуляли, пора и своим домком зажечь.

Анюта:—(пряча лицо). Тятя... А только я у попа венчаться не стану. Я лучше по-просту распишусь с Васильем в Совете и все тут.

Сидор Кузьмич:—(сердито). Ну, про это ты и думать забудь. Я тебе дурь-то из головы всю вышибу. Коли так хочешь—нет тебе моего благословения...

(Анюта плачет).

Марья Семеновна.—Полно... Полно, Анютка, перестань. Не такой день, чтобы плакать. Подожди, придет Василий. Там видно будет, все и уладится.

Сидор Кузьмич.—А ты, баба, не лезь. Ишь, тоже заступница. Как сказал, так оно и будет. Хнычь, не хнычь, из дому прогоню, а не дам по новому венчаться (уходит, хлопнув дверью).

Марья Семеновна—(лаская Анюту). Ну, успокойся... успокойся. Все устроится. Поди, выдь, погуляй. Посмотри не идут-ли наши. (Анюта уходит).

Марья Семеновна—(одна). Вот ведь еще напасть, прости господи (подходит к окну и смотрит в него).

Ваня—(вбегает). Мама... мама... идут... К околице подходят и Алексей идет... (убегает).

Марья Семеновна.—Господи, господи. Алешенька-то, голубчик мой, светик ненаглядный—идет (крестится).

(Входит Сидор Кузьмич).

Сидор Кузьмич.—Что, никак идут. (Выглядывает в окно). Идут, и то...

Марья Семеновна—(бросаясь к окну). Где... где...

(за околицей лихо раздается песня: „Красный флот, красный флот, Черноморский красный флот. Все матросы комсомольцы и т. д..“)

Вбегает Анюта.—Идут... идут... (несколько мгновений напряженное молчание, все рвутся к окну. Наконец, под окном раздаются голоса, шум, смех).

В избу входит Алексей (с книгами, газетами и пр. в руках). За ним его товарищ Василий и несколько деревенских девушек и парней, среди них Ваня.

Алексей—(бросаясь). Мама... (обнимает и целует крепко). Тятя здравствуй...

Сидор Кузьмич.—Здорово, Алексей, здорово. Ишь, каким молодцом стал.

Алексей.—*(целует Анюту и что-то шепчет ей, та быстро взглядывает на Василия, усмеяется и отвертывается).*

Сидор Кузьмич.—*(здороваясь с Василием).* Ну, а ты, как Вася. Какова служба военная.

Василий.—А что служба. Теперь против царской-то службы много вольготней. Вишь, только вот 3 недели и служили.

Сидор Кузьмич.—Служили... Служили... А что выслужили-то.

Марья Семеновна.—Да что ты, Кузьмич, дай им хоть передохнуть с дороги. Сейчас самоварчик поспеет, за чайком-то и поговорим. Анютка, иди ставь самовар. Полно лясы-то точить. *(Анюта уходит, за ней Василий, остальные садятся—Сидор Кузьмич налево, Алексей с матерью направо—рядом).*

Девки и парни размещаются по углам, грызут подсолнухи, переговариваются вполголоса и смеются.

Ваня.—*(к Алексею).* Лешь... а, Лешь... А ты научишь меня из ружья то стрелять.., а... научишь..

Алексей.—Ладно. научу. Как вырастешь, так и научу.

Ваня.—Мамка, я тоже в солдаты пойду. Буржуев бить буду. Намедни, вон, мы с Николкой Тихоновым, купецкого сына Ваську—отколошманили, он у нас заместо буржуя, значит, был. Здорово досталось.

(В толпе смех и разные восклицания: „Ай-да Ванятка“, „совсем, брат, воин“. „Хоть сейчас на войну“).

Сидор Кузьмич.—Полно, Ванюшка, брось баловать.

Ваня.—Ребя, а ребя, пойдем что ли на лужайку попогонять. *(Голоса: пойдем, пойдем).* Постепенно все парни, а за ними и девки уходят.

Сидор Кузьмич.—Ну, так как, Алексей. Работать, значит, теперь мы с тобой будем. А то тяжело мне одному-то приходится.

Алексей.—Затем и пришел, тятя. Ведь теперь новая-то армия, территориальная, так и строится, чтобы, значит, и там и здесь выгода была. Вот—примерно, отслужил я три недели, а к работе, к самой страдной поре, опять дома. А почему это. Потому—что обучался у себя в уездном городе, по близости. Не то, что раньше, как бывало—за тридевять земель угоняли.

Сидор Кузьмич.—Что верно, то верно, Алешка. Раньше было, возмут тебя да из Вологодской-то губернии куданибудь в Пинские болота, в Польшу и поставят. Верст за тыщу, а то и боле. А дома-то отцы и выкруччайся, как хотят. Насчет этого так уж вот верно придумали. Только опять же я одного никак не пойму: ну, хорошо, в хозяй-

стве польза есть. А ведь армия-то от того, кажись, слабее будет. Ну где же в 3 недели службу военную пройти, коли мы раньше по пяти лет служили. Ты мне вот это-то объясни.

Алексей.—А это очень просто. Во-первых: расходу-то на армию меньше будет, коли мы, почитай, почти целый год по домам будет жить, ну значит, армию-то можно будет и содержать лучше. А какой солдат крепче, да веселее: тот, который кое-как живет, или тот, у которого всего вдоволь. Ну-ка скажи.

Сидор Кузьмич.—Вестимо, тот—который сыт и обут как следует.

Алексей.—Ну, вот. А во-вторых: в наших частях мы все между собою знакомые, все товарищи, из окрестных сел да деревень. Значит, у нас отряды дружные будут. Коли вот стою в ряду я, а вот со мной Василий, а дальше Степка, Сенька из нашей деревни—так нам никакие враги не страшны. Понял теперь.

Сидор Кузьмич.—Понимаю. И как это все ловко да хорошо продумано. Теперь, значит, буржую, хе-хе-хе... Крышка... Так, что-ли выходит.

Алексей.—Верно, тятя...

Марья Семеновна—*(сидевшая и слушавшая молча)*. Пойду-тко я на самовар взгляну, что-то долго. Заболталась там, чай, Анютка с Васильем *(уходит)*.

Сидор Кузьмич.—Только я тебе одно скажу, Алексей: вот насчет бога, так нехорошо так делаете. Обителы святые разоряете, да театры в церквах устраиваете.

Алексей.—Полно, тятя. Я вот сам теперь все узнал. Раньше слеп был, а теперь все вижу и вам расскажу, то-же, чай, поймете.

Сидор Кузьмич.—Ну, говори, коли путное что.

Алексей.—Слушай. Все это сказки про бога выдумали попы, чтобы темный народ морочить, да деньги, хлеб и прочее выжимать. Ну, скажи сам: разве веегда после поповских молебнов о дожде, или о солнышке, все так и исполняется.

Сидор Кузьмич.—Ну это, положим, не всегда. Потому если прогневали бога, ну он и не услышит нашей молитвы.

Алексей.—Ну, теперь скажи: случилось ли когда, чтобы за эту самую молитву, если она не удачна была, попу не заплачено бы было.

Сидор Кузьмич.—Ну, уж нет... Молитва—молитвой, а денежки нашему Афанасию завсегда выложи.

Алексей.—Ну вот теперь ты и рассуди. Ведь он зря вас обирает. Погодой распорядиться он не может, все от природы зависит, а если когда и бывает по его—то это случайность и денег платить тут совсем не за что. Лучше

эти деньги на чтонибудь хорошее употребить. Газету выписать или книги какие о хозяйстве. Мало-ли полезно-го есть.

Сидор Кузьмич.—Э... э... гм... Так-то оно так. А ведь и верно как послушаешь, так правда-то твоя выходит, Алексей (*пауза*). Ну, баста теперь значит. Больше я этого самого попа и на порог не пущу, и платить ему ничего не буду. Ей-ей, не буду.

Алексей.—Правильно, тятя. Мы ему теперь покажем Кузькину мать.

(*Входит Марья Семеновна, за ней Василий и Анюта*).

Марья Семеновна.—Ну, как-же, Кузьмич, благословишь, аль нет, молодых-то наших.

Сидор Кузьмич.—Анютка, по новому...

Алексей.—По новому, тятя... (*чуть слышно*).

Василий.—Сидор Кузьмич, вы человек почтенный—понять можете, что тут худа никакого нет, а только лишь попу денег лишних не платить. А что до его „благодати“ так нам с Анюткой ее и не надо. Верно ведь, Анютка.

Анюта.—Верно, Вася...

Алексей.—(*встает*). Молодец, Анютка. Тятя, и я прошу тебя вместе с ними, ведь ты кажется меня выслушал, понял и согласился с моими словами. Сказал, что попа больше и на порог не пустишь. Ну, так как же.

Сидор Кузьмич.—Как-же. А это, брат, надобно обдумать, нельзя сразу-то ведь...

Алексей.—Да чего же тут думать-то. Дело ясное, ну тятя, так по рукам, что ли...

Сидор Кузьмич.—Постой, постой... Ну, уж разве для тебя только, Алексей, больно ты уж парень умен, да сметлив стал, с тех пор, как побывал в терармии. Да и Василий кстати человек, хороший. Анюта за ним хорошо будет.

Алексей.—Ну вот и ладно. Поздравляю, сестренка (*целует*). Василий, друг, желаю счастья, живи мирно да ладно.

Марья Семеновна.—Ну, вот Анюта, и устроилось все, говорила я. Все теперь по моему выходит, т.е. не по моему, а по Алешиному. Он всему голова.

Сидор Кузьмич.—(*подходит, обнимает Василия и Анюту*). Ну коли так, и я уж вас поздравляю. А и в самом деле, турнем теперь попа в три шеи и расходов вдвое меньше станет. Эх, и заживем мы все вместе, по новому, по хорошему. А всему, ведь, Алексей причиной, да его армия территориальная. А я-то еще говорил: „не вернется не вернется“... Эх, кабы вот лет поменьше было, так бы кажись я и сам в „консомольцы“ записался. Во, как... (*В публику*).

(З А Н А В Е С).

НА ГРАНИ СВЕТОГО ДНЯ,

Агит-пьеса в 2-х картинах.

Влад. ЕФИМОВА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

1. **Косых Алексей** крестьянин средняк.
2. **Андрей** его сын.
3. **Аграфена** его жена (без слов).
4. **Егор** бедный крестьянин.
5. **Учитель.**
6. **Ерема** крестьянин кулак.
7. **Парень.**
8. **Прохожий** бродяга послушник, бежавший из монастыря после революции.
9. **Несколько парней.**

Действие происходит в наши дни.

НА ГРАНИ СВЕТЛОГО ДНЯ.

Картина I.

Развертывается в обычной крестьянской обстановке. Косых в праздничном костюме старательно допивает остатки самовара, утирая пестрым платком струящийся по лицу пот.

Косых.—(ставя стакан). Эхе-хе. Ну вот, слава тебе господи, и окончили. И отдохнуть можно. (крестится). Чево-то Андрей запропастился. (кричит) Андрей.

Андрей.—(входя) Ну, батя, и самогоночка вышла. Дюже хороша. Так прямо в рот и просится.

Косых.—А ты небось хлебнул малость. Не утерпел.

Андрей.—Не утерпел батя. Хороша больно.

Косых.—Ты не особенно налегай. А то опять с харей расковерканной придешь. У вас ведь одно и занятие морды друг другу бить.

Андрей.—Ты батя не горюй. Себя в обиду не дадим, а ежели в прошлый раз и пришел малость с разрисовкой, так зато Костыка Федякин в больницу поплыл. Мы, батя, свое дело знаем.

Косых.—И в кого вы только уродились. Смотреть то на вас тошно.

Андрей.—Да ты батя, чай сам в молодости кулакам отдыхать не давал.

Косых.—Да нешто раньше то время было. Раньше кроме кулаков ничего в ход не пускали. Бывало зимой на реке какое сражение было. Деревня на деревню. Страсть как бились. А уж зато вместо кулаков ничего в ход не пускали. А теперь пять дерутся, а восемь еле дышат. Срамота.

Андрей.—Нынче народ дюжее пошел.

Косых.—Я бы прежде таких сопливых как ты троих бы на руках снес, а ты—дюжее.

Андрей.—А ты батя не ври-уж.

Косых.—Чего врать. Знаем, что говорим... А ты брось-ка лясы точить. Принеси-ка лучше ковшичек.

Андрей.—Это батя можно. Единым духом (уходит).

(Косых ходит по избе. Входит Егор).

Косых.—Я, Лексеич, за делом к тебе.

Косых.—Дело не убежит. Расскажешь. А сейчас сынок-то бражки принесет, мы ее по праздничному и разопьем. Праздник сегодня, Егор,—не грех и выпить.

Егор.—Кому, Ляксеич, праздник, а кому и нет. Для меня праздник сушее горе. Все празднуют, а я без хлеба изволь отсиживаться. Где уж тут праздновать.

Косых.—Да ты, небось, за хлебом и пришел.

Егор.—За хлебом, как есть, за хлебом.

Косых.—Прогодал, Егор. Последний сварил на самогон. А коли, что и осталось, так только на семью.

Егор.—Неужто с пудик-то не найдется. Жрать прямо нечего. Что дальше будет прямо и не сообразить

Косых.—Не жалко коли был бы. А то нету.

Андрей.—*(Входя)*. Во, батя, и самогон, ты только хлеба, так с ног и свалишься.

Косых.—Да ты уж мастер варить.

Егор.—Так-как же, Ляксеич, не выходит значит, ничего.

Косых.—Нету, Егорушка, ничего. Рад бы услужить, да нету... Вот бутылочку так и быть в должок дам. Какнибудь отдашь.

Егор.—Да пить-то чего-то не хочется. Дома-то не жрамши сидят.

Косых.—А ты выпей, глядишь и веселей станешь. У кого-нибудь лишний есть займешь

Андрей.—Хлебни-ка, Егор. Первый сорт. Как есть Николаевская.

Егор.—Эх, куда уж ни шло. Выпью. *(пьет)*.

Косых.—Да ты чего мало. Пей, на нашу долю хватит.

(Все пьют).

Косых.—А славную ты, Андрюха сварил. Так и крутит.

Егор.—Это верно, прямо николаевка.

Андрей.—Да, я уж батя знаю, что делаю. Чай для себя, а не для хозяина.

Косых.—Хорошо. Кабы не стар, так хоть с девками гуляй.

Егор.—Ну, Ляксеич, прощевай. Надо насчет хлебушки бежать, а за винцо-то спасибо.

Косых.—Не прогневайся. А насчет хлебушки никак. В обрез.

Егор.—Да уж понимаю. Чего-ж тут. Прощевайте.

(уходит).

Андрей.—Насчет хлеба приходил.

Косых.—За ним.

Андрей.—Это хорошо, что не дал. На „престольный“ без самогона остаться можно... Ты батя тут допивай, а я в деревню выйду. Гулянка там хорошая.

Косых.—Ты там не очень-то загуливайся. Разворотят морду-то, ходишь не в чем будет.

Андрей.—Э, батя. Нас голыми руками не возьмешь. Знаем, что делаем. (*уходит*).

Косых.—О, господи. Прилечь разве. Чего-то поясницу ломит. К погоде что-ли. (*За дверью стук и голос: „Можно войти“*).

Косых.—Кого-это там нелегкая принесла. Только заснуть вздумал. Э кто там, входи. (*Входит прохожий*).

Прохожий.—С праздником дяденька. Извините, что побеспокоил.

Косых.—Ничего, ничего, гостям рады.

Прохожий.—Да какой уж я гость. Говорят—незванный гость хуже татарина.

Косых. Мы всем рады, что тут.

Прохожий.—Не всем дяденька. Коли насчет налога заглянут, так наверно не рады.

Косых.—Да чему-же тут радоваться.

Прохожий.—Известно. Родное загибают.

Косых.—А вы кто будете.

Прохожий.—Послушник был—за благодетелей молился. А как пошли честные монастыри притеснять, ушел от напастей большевиков нечестивых. Так по белу свету брожу. Не знаю только где устроиться.

Косых.—Путешествуете?

Прохожий.—Да в роде этого.

Косых.—Бывали-то много где?

Прохожий.—Много, дяденька, много. Только на голодный желудок рассказ плохой выходит.

Косых.—Верно... Старуха-то по соседям пошла, так я уж не знаю чем и угощать. Бери-ка малый, что на столе, да самогонки выпей.

Прохожий.—Это хорошо, дядя. Самогонка душеспасительное пойло. Евангелие одобряет ее для путешествующих.

Косых.—Веселый ты парень. Не стеснительный.

Прохожий.—Чего, дядя, стесняться. Человек ты хороший, сразу видно, да и я не плохой. Значит стеснение по боку и пей вволю по закону богову.

Косых.—Вот, это хорошо парень, что ты бога не забываешь.

Прохожий.—Памятую, дядя, постоянно памятью. Не в моде, говорят, это, да только порядочные люди знают, что „без бога не до порога“.

Косых.—Правда, сынок, правда. Вот уж за это ты молодец.

Прохожий.—Да я, дядя, знаю, что говорю. О, господи помилуй мя грешного. А самогонка-то где?

Косых.—Евон в бутылке-то стоит.

Прохожий.—Тек-с. Выпьем (*пьет*) хорошо. Ну, дядя, убогатоворил. Дай бог тебе здоровье.

Косых.—Пей, пей, малый. Не жалко.

Прохожий.—Спасибо. Не откажусь (*пьет*). Ну вот теперь и разговаривать можно. Уплотнил свое чрево и язык заворочался.

Косых.—Что нового-то поговаривают. У нас ежели, что и говорят так больше врут.

Прохожий.—Новостей, дядя, много. Сразу-то и не скажешь. Смотря, что кого интересуется.

Косых.—Насчет войны не слышно-ли. Разговоры-то у нас ходят, да где правда, где врут и не разобрать.

Прохожий.—Война, дядя, будет. Верно говорю уж, коли, что, я сообщаю, так это достоверно. И небесные знаки тому свидетельствуют.

Косых.—Андрюшку-то, стало-быть заберут.

Прохожий.—Как есть заберут дядя. Вот-те крест заберут.

Косых.—Неважная, парень, история. Помощник-то один у меня. Отдавать-то в солдаты не хочется.

Прохожий.—Да ты, дядя, не отдавай.

Косых.—Как не отдавай. Теперь дезертиров ловят по-чем зря. Большевики-то дошлые стали.... А может ты врешь, пугаешь старика

Прохожий.—Дядя. Правду говорю. Сущую. Газетку-то читаешь.

Косых. Где тут парень до газет. Работать надо, а не читать.

Прохожий.—Верно, дядя, верно. Золотые слова. Работникам работать надо, а я уж гуляющий человек, так газетки прочитываю иногда. Все равно делать нечего.

Косых.—Ты насчет газет почему спросил?

Прохожий.—Приказ дядя, в газете напечатан. Мобилизация.

Косых.—Не врешь?

Прохожий.—Ей-богу. Во (*разворачивает газету*) Призыв в территориальные войска?

Косых.—Чего. Чего.

Прохожий.—Призыв в территориальные войска.

Косых.—В какие войска?

Прохожий.—В территориальные.

Косых.—Это что же такое?

Прохожий.—Далеко, говорят, угонять будут.

Косых.—Далеко?

Прохожий.—Говорят.

Косых Эх, Андрюшка втяпался.

Прохожий—С Божьей помощью вытяпать можно.

Косых—Легко, парень, сказать. А как.

Прохожий.—Разве тебе дядя помочь. Уж больно ты хороший человек: накормил, самогонкой напоил, да и разговаривать не гнушаешься.

Косых.—Да можешь-ли ты?

Прохожий.—Могу, дядя, могу. У меня брат в городе. Заведует всей этой штукой, приемом новобранцев. Так ему письмо-то напишешь, он-те и освободит сына. Дело верное, дядя.

Косых.—Сделай милость, парень, напиши. Век буду Бога благодарить. Уж так удружишь, так удружишь, что и не сказать.

Прохожий.—Только даром, дядя, ничего нельзя. Нынче время не такое.

Косых. А много денег-то надо.

Прохожий.—Рублишек с 10 не мешало бы.

Косых.—Возьми пятерку. Бога потом за тебя молить будем. Из последних отдам.

Прохожий. Хоть и есть поговорка, „Надейся на Бога, а сам не плошай“. А для тебя, изволь, уважу. Так и быть гони пятерку.

Косых.—А не обманешь.

Прохожий.—Вот те крест. Чтоб мне провалится на этом месте. А по мне не хочешь и не надо.

Косых.—Ну садись, пиши. (*Лезет в сундук*). Страшно. Чего-то парень. Я тебе деньги лучше, как дело устроишь, отдам, и мне спокойнее и ты не в окладе.

Прохожий.—(*Встав*) чорт лысый. (*Громко*) А по мне все равно. И так и этак все равно. Хорошо.

(*За сценой шум*).

Косых.—Что это. Чего орут-то.

Парень.—(*Вбегая*) Дядя Ляксей, Андрюху несут. Голову зашибли здорово. А Егорку на смерть.

Косых.—Какого Егорку.

Парень.—А что хлеба просил. Хлеба-то ему не дали, а самогоном поили. Он пьяный в драку и влез. А тут его кто-то двинул по ребрышку. Сразу. Наповал. А Андрюху камнем.

Косых.—Сына-то?

Парень. Его. Андрюху. Без памяти несут.

Косых.—Кто-ж его, дьявол, камнем-то двинул?

Парень.—Нешто в драке разберешь. Егорку наповал. А Мишка и Андрюха без памяти.

Парень.—Вот и несут.

(Вносят Андрея. Голова его в крови. Кладут на лавку. Все время шум).

Косых.—*(Бросается)* Андрюха. Кто вдарил-то тебя?

Парень.—Дядя Ляксей голову-то ему смочить надо, да перевязать тряпкой.

Прохожий.—Верно парень. Сейчас мы это дело обтяпаем. *(Берет ковш с водой, тряпку и возится около Андрея).* Здорово саданули. Хлестко. А ну ка во имя сына и отца и перевяжем молодца. Ну вот кажись ничего. *(Встает)* Не горюй дядя, рана не так опасна. И похуже бывает, да быстро встают.

Косых.—Да без памяти парень лежит. Нешто легкая рана.

Прохожий.—Ничего. Скоро очнется.

(Входит учитель).

Учитель. Где тут раненый. Перевязать говорят надо.

Косых.—Да уж перевязали. Не знаем, что дальше будет.

(пользуясь суматохой прохожий открывает сундук, не запертый Косых и вытаскивает кошель с деньгами. Незаметно уходит).

Учитель.—*(Осматривая Андрея)* Кажется рана не опасна. А бедного Егора жалко. Вся семья осталась абсолютно нищими. Бедный человек ходил, просил хлеба, а его поили самогонкой. Вот видите граждане какие последствия. Вместо того, чтобы помочь человеку, его заставляли забывать про семью, напавая до безчувствия. Надо теперь всей деревней помочь осиротевшим детям и жене. Это так нельзя оставлять.

Косых.—Верно, товарищ учитель, верно. Сам его поил, сам и помогу. Из последних денег, а дам *(идет к сундуку роется)*. Господи никак украли, так и есть украли. Братцы. как же это так? Кто-же? *(осматривается)*. Где-же прохожий? Неужто он..... Он. Ей-богу он. Братцы ловите его мерзавца. Последние деньги украл. Кровные. Кровью и потом добытые. Братцы ловите.

Голос из числа присутствующих.—„Вот-те и послушник на ходу срежет воротник“.

(Парни с шумом убегают из избы).

(Остается учитель).

Учитель. Почему вы думаете, что он украл ваши деньги.

Косых.—Он видел, как я сундук открывал и вынимал деньги. Хотел раз обмануть—не удалось, так взял и украл.

Учитель.—В чем дело.

Косых.—Да как-же. Я, грит, письмо дам брату, он и ослобонит Андрюху от военной службы. Пять рублей, говорит это стоит.

Учитель.—От военной службы?

Косых.—Ну да. Новые какие-то войска, говорит. Далеко угоняют. Так и сказал—новые войска и угоняют нивесть куда.

Учитель.—Какие войска? Территориальные?

Косых.—Во, во. Газету показывал. Я, грит помогу. Паршивец он, сволочь—вот кто.

Учитель.—Видите, дядя Алексей, что значит ничем не интересоваться. Сколько раз я приглашал всех газету почитать. Праздник день свободный, время всегда бы нашлось. А вы вместо этого самогон пьете, драки устраиваете. Калечите друг друга.... Территориальные войска—замечательное достижение Советской Власти. Ведь работника призванного в войска, отрывают от дома всего на три, четыре недели, не больше и обучают не где нибудь, куда Макар телят не гонял, а в уездном городе или еще ближе неужели это плохо.

Косых.—Не может быть тов. учитель.

Учитель.—Правда. В территориальные войска стараются призывать тогда, когда крестьянство освобождается от главных работ. Стараются сделать так, чтобы было легче крестьянству. А вот вы ничем не интересуетесь верите какому-то проходимцу. Стыдно дядя Алексей, стыдно.

Косых.—Да где нам. Времени нет.

Учитель.—Неправда. А в праздники вы что делаете?

Косых.—В праздник отдыхать надо.

Учитель.—Вот вы и отдыхаете—заливая себя самогоном. Разве был-бы мертв Егор, если-бы вы ему вместо вина дали хлеба. А? Последние крохи тратите на это, а сами потом голодаете.

Косых.—Да так уж водится тов. учитель. Как праздник—значит выпить надо.

Андрей.—(Стонет) А... А... А... Воды... Ой, как больно...

Учитель.—Ничего, Андрей. Пройдет. Ты только спокойной лежи. Пройдет.

Андрей.—Ой, больно... (стонет).

Учитель.—Из за чего драка у вас вышла.

Андрей.—Ой... А... В карты играли... А... А... Мишка по матерному меня выругал... А... А... я ему и заехал... Он... А... (стонет все время).

Учитель.—Ай,... ай,... ай,.. Вот смотри отец, чем занимаются. Начнешь говорить, что не надо, так не слушают.
Косых.—Известно. Нехорошими делами занимаются.
Учитель.—Праздника нет, чтобы драки не было.

(За сценой шум).

Учитель: Что это, опять драка, неужеле опять что нибудь случилось?

(Входит толпа деревенских).

Парень.—Вот дядя Ляксея кошель. В полной сохранности. Как есть все.

Косых.—Вот ребятки спасибо. Вот спасибо. Последние ведь деньги. Что-бы и было, если бы их украли. Вот спасибо братцы.

Учитель.—А где-же вор, отпустили? *(Все молчат).* Ну в чем-же дело? Где-же он? Отпустили, я вас спрашиваю, или нет... Что же вы молчите? Отвечайте.

Парень.—Убили товарищ учитель.

Учитель.—Что?

Парень.—За деревней его нагнали. Как он нас увидел, так бежать. Мы ему кричим „стой“—, а то хуже будет, а он еще быстрее от нас. Там, у реченки его поймали.

Учитель.—Ну?

Парень.—Он было просить, чтобы отпустили. А потом, как ударит Митьку в зубы, да в реку. Мы его камнями и зашибли. Там на берегу валяется.

(Общее молчание).

Учитель.—Ну-с ребята—пусть дядя Алексей с сыном остается, а мы пойдем отсюда на воздух, да подумаем, что дальше делать.

(Все молча выходят).

(Андрей стонет).

З А Н А В Е С.

Обстановка как и в первой картине. За столом сидят Косых и Ерема. Перед ними самогонка и угошение.

Косых:—Здорово меня тогда учитель отчитывал. Ты, говорит, отравляешь себя, из-за твоей самогонки. Егор погиб и сын, грит, раненый.

Ерема:—Эхе-хе-хе, дядя Алексей. Нешто этот народ слушать можно. Никак нельзя. Потому они большевицкого толку. Нешто твоя самогонка виновата, что Егор убит. Его по доброте угощали, а не для зла. А учитель, эвона, какую ахинею понес.

Косых:—Я и сам потом догадался. Я Егору сам говорил: „хлеба, мол, у меня нет, а вот ради праздника самогонкой угошу“. Не навязывал я ему. Нешто я по злобе дал ему выпить.

Ерема:—Что в деревне разбойники, что-ли. Чай в бога веруем. На злое дело идти не можем... А что Андрюха то быстро оправился?

Косых:—Как оправился, так его и в солдаты. Писал в письме, что в праздники дома будет. Стало быть сегодня ждать надо. Старуха-то за ним поехала. Три дня задарма на станцию ездили. Может сегодня будет.

Ерема:—Не верится мне что-то. Наврал тебе учитель про три недели, Нешто солдат на несколько дней забирают. Почитай, года на два—три. Я на своем веку сколько ребят в солдатчину отправил, да все года на 2—3.

Косых:—Андрюха письмо прислал. Я, грит, нахожусь в уездном городе и на праздниках дома буду.

Ерема:—Батьку с маткой утешает. А потом выдумает чтонибудь: что, дескать, не могу дома быть, так года на два и оттянет.

Косых:—Да ты меня не пугай. Андрюха-то один у меня помощник. Без него мне и дыхнуть нечем.

Ерема:—Да по мне хошь верь, хошь не верь.., Только не может этого быть. Сколько лет на свете живу, про такую штуку не слыхал. Ты меня лучше послушай, чем сопляка учительишку.

Косых:—Учитель, кажись, тоже не дурак. Которо воскресенье да праздники про хозяйство твердит. Вы, грит, плохо делаете. За границей сто лет так не занимаются. Многопольную историю вводить надо. Кажись так она прозывается. И так он разрисовывает, что действительно правда на его стороне.

Ерема:—Слушай его... Много он понимает. Мы, почитай, всю жисть этак прожили, деды наши так жили, а он с советами лезет. С голоду не подыхали и не учились ни у кого. А он, ишь ты, выискался.

Косых:—Машины, говорит, выписывать надо, легче работать будет. Деревней выпишите—на всех ее и хватит.

Ерема:—Пнуть его, сопляка, надо. Нешто одну машину на всю деревню хватит. Да нам машин и не надо. Мы и без машин управимся.

Косых:—Я ему тоже это говорил. А он: „все равно, грит, купите, не сейчас, так после. Сами увидите, нужно покупать или нет“.

Ерема:—Как-же... держи карман шире. Век не покупали, а сейчас купим.

Косых:—Никак кто-то во двор в'ехал (*бежит к окну*). Никак Андрюха, Так и есть. Приехал (*бежит за дверь. За сценой голоса. Шум. Радостные возгласы.*)

(*Входит Андрей с котомкой. Мать его Аграфена Косых и Косых.*)

Андрей:—Ну вот и обратно вернулся. Здорово, дядя Ерема. Как живешь?

Ерема:—Известное наше житье. Утром работай, днем работай, вечером работай, а отдыхать и времени нет.

Андрей:—(*Разоблачаясь*). Это плохо, дядя Ерема. Отдых необходим.

Ерема:—Да где крестьянству отдыхать. Некогда...

(*Отец и мать суетятся около стола.*)

Андрей:—Плохо мы, значит, жисть устроили. Сами в этом виноваты.

Ерема:—Нет, паря, всегда так было. Испоконь веков. Некогда крестьянству отдыхать.

Андрей:—Потому что раньше не знали, как свое хозяйство вести. Я вот немного в Армии Красной побыл, а таких чудес наслушался, что диву дался только.

Ерема:—Наврали тебе, парень, вот и все.

Андрей:—Кабы своими глазами не видел так и не поверил-бы. Нам и машины показывали и картины живые на полотне и рисунки. Как тут не поверишь. Поверил. Я вот с будущего года сам понемногу начну по новому...

Косых:—Ты, Андрюха, брось пока ерунду говорить, а лучше выпей с дороги-то. Тебя только и дожидалась самогонка.

Андрей:—Да я, батя, не хочу. Вредная это штука-то.

Ерема:—Да ты, парень, брось. Самогонка—знатная выпивка. Гулять потом веселей будешь. Чай девки-то соскучились по тебе.

Андрей:—Да я никуда и не пойду. Я вот книжечки хорошие привез насчет хозяйства. Так надо помаленечку прочесть.

Ерема:—Коммунаром парень стал. И тебя, значит, обкрутили... Так-с...

Косых: Ты, верно, Андрюха, брось. Нас, стариков, уму разуму хочешь учить. Рано еще.

Андрей:—Я уж знаю, что делаю. А чтобы пить самогон, да потом дратся это, батя, не годится. Я вот книжонки прочту, а потом так свое хозяйство поставлю—любо смотреть будет.

Ерема:—Прощевай, дядя Ляксей. Больше меня к себе в дом не жди. Ежели у тебя в доме коммунисты завелись, нам туда идти не сподручно.

Косых:—Ерем.. да ты брось. Парень молодой—мало-ли что в голову взбредет.

Андрей:—Так взбрело, батя, что и не выбредет... Ну-с, теперь и поесть можно *(начинает есть)*

Косых:—Ты лоб-то перекрести. Идол... Ишь, расселся.

Андрей:—Не к чему, батя. Мы и так пообедаем.

Косых:—Ты эти шутки брось, Андрей... Крестись, говорю тебе...

Андрей:—Что-то не хочется.

Косых:—Я тебе в рыло-то дам, так захочешь. Обасурманился, что-ли...

Андрей:—Не к чему, батя, не к чему.

Косых:—*(Ударяя кулаком по столу)* Ты, что-же супротив отца? Я те морду-то разобью. Крестись, говорю..

Андрей:—Ты, батя, не очень... *(вскочил)*. Что хочу, то и делаю. Чай не маленькие.

Ерема:—Вот, дядя Ляксей, сынки-то какие стали. Отцов слушаться не хотят.

Андрей:—А ты, кулацкая морда, уйди отсюда. Разжирел, чорт лысый. Других с толку сбиваешь.

Ерема:—Ты, парень, не очень...

Андрей:—Уйди-ка отсюда по добру, по здорову... Пока сам не выгнал...

Косых:—Ты, Андрей, брось..

Андрей:—Ладно, ладно, батя... Знаю, что делаю. *(Входят учитель и парень)*.

Учитель:—А, Андрей... Ты чего так разбуянился? На всю деревню крик поднял.

Андрей:—Да вот эта кулацкая морда мутит, а тот под его дудочку пляшет...

Косых:—Басурманом совсем стал, креститься не хочет. Бога, ирод, забыл.

Учитель:—Так из-за этого весь шум... Ай-да Андрюха...

Ерема:—Прощевай, дядя Ляксей (*уходя*). А ты, Андрюха, вспомнишь все это. Я те ругательства вспомню...

Учитель:—Идите-ка лучше домой, дядя Ерема. Успокойтесь. Молодежь нынче не та пошла, как раньше. Передовая. Ее старому нечего учить. Новое подавай.

Ерема:—Тьфу.. (*уходит хлопнув дверью*).

Учитель:—А теперь, ребятки, вот что. Побыв в Красной Армии, вы узнали—кого нужно выбирать в Совет. У нас как раз приближаются выборы. Ясно, что выбирать людей, как Ерема, не следует. Они всегда будут заботиться о себе и им подобных. Наша власть бедняцкая. Мы и в Совет должны выбирать бедняков.

Парень:—Это верно. Ежели кулак будет в Совете сидеть, так о нас бедняках и не подумает.

Учитель:—Вот-вот. Да надо на собрании насчет самогона поговорить. Нехорошее это занятие. И драки из-за этого, где калечат друг-друга, а порой и убивают. Ведь не бывает праздника, чтобы не было несчастных случаев.

Андрей:—Верно, тов. учитель. Самогонки не надо, а избу-читальню устроить надо. Лучше хорошие книги почитать, чем мордобитием заниматься.

Косых:—Читай, читала, коли ты грамотный. Я вот сроду в руках книги не держал и читать не умею. Очень они мне тогда нужны.

Учитель:—А на этот случай я пригласил агронома из города, два раза в месяц лекции читать по хозяйству. За зиму много знаний поднакопится у наших крестьян.

Андрей:—Эх, кабы не попал в армию, так бы ничего и не узнал. Хлестал-бы самогонку, да дракой занимался.

Парень:—Сперва как-бы туговато показалось, неинтересно. А потом во вкус вошел.

Учитель:—Понравилось.

Парень:—Еще-бы. Я и грамоту начал позабывать, а теперь понемногу я почитать стал.

Учитель:—Небось, не все такие стали, как вы.

Андрей:—Где там, как пришли некоторые домой, так опять за самогон принялись.

Учитель:—Пусть мало таких будет, как вы, да зато вы много сделаете.

Андрей:—(*К парню*). Ты, чай, Интернационал помнишь. Как это припев-то поется. Больно мне нравится.

Учитель:—„Это есть наш последний и решительный бой“...

Парень:—Во-во...

Учитель:—А ну-ка *(все хором поют припев интернационала)*.

Андрей:—Здорово... Славно... А я там стихи читал. На сцене.

Учитель:—А ну прочти..

Андрей:—Сейчас как будто и не ловко.

Учитель:—Ну чего там. Свои все сидят.

Косых:—Ты говори, чего ломаешься. Лаяться—так умеешь.

Андрей:—Ну, ладно. Слушайте. Называется „Помни, товарищ“.

Помни товарищ минувшие грозы,
Годы голодные, ужасы битв,
Слезы голодных, кровавые слезы
Без утешающих сладких молитв.

Помни товарищ победные рати,
Смело овеванных сетью побед,
Цепкие лапы блокады, об'ятья
Мрачных, кровавых, губительных лет.

Помни погибших за светлое счастье,
Жизнь отдававших за счастье людей,
В годы боренья, в годы ненастья.
Жаждающих будущих, солнечных дней.

Помни товарищ и мощным отрядом
К светлому счастью победно иди,
Враг твой не дремлет, близок он, рядом...
Помни товарищ и в оба гляди.

Учитель:—Здорово. Да у тебя талант, Андрюха.

Косых:—Ишь, ты. И мне понравилось. Ай-да Андрюха.

Парень:—Он у нас первой головой был. Ходовой парень.

Учитель:—С этими ребятами мы здесь такие дела сделаем, что рот разинут, драматический кружок организуем, спектакли ставить будем. Не даром они в Красной Армии побывали.

Андрей:—Да мы там многому научились. Все больше от политруков-коммунаров. Они нам все заветы т. Ленина растолковали.

Парень:—Да. В Красной Армии мы твердо узнали, что нужно крепко держаться за Ленинизм. Не даром, уходя домой, и на знамени написали:

Несем с собой в деревню клич,
В сердцах у нас живет Ильич.
Мы возвращаемся домой
Семьей единой трудовой“.

Учитель:—Правильно, ребята, постоянно помните основной завет Ильича „Всегда и везде вперед, товарищи-красноармейцы, победа будет за нами“.

З а н а в е с .

СЛУЧАЙ В ДЕРЕВНЕ.

Агит-лубок в 1-м действии.

Влад. ЕФИМОВ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Ваня бывалый.
2. Самогонщик.
3. Парень-новобранец.
4. Парень—драчун
5. Парень—избитый.

СЛУЧАЙ В ДЕРЕВНЕ.

Ваня бывалый: Вот, братцы, и явился я, такова уж судьба моя—разговоры с вами разводить, хлестким словом рыжих арапов бить, а иногда и вас повеселить. Сегодня, братцы, я хочу описать одно дело, которое многих задеть сумело, а дело важное. Расскажу, вам, братцы, историю одну—как парень один подумал, что его гонят на войну, чуть-чуть было не разрыдался, а потом—как вернулся—много над своим страхом смеялся. Одному мне это не описать, так за меня другие ребятки сумеют рассказать. Выйдет сейчас перед вами дядя, который много гадит. Большой приносит всем урон—в общем продающий самогон. Сейчас он перед вами споет—и уйдет. А потом другой споет и уйдет. И так далее. Итак, начинается баталья.

(Выходит самогонщик и поет на мотив „Во саду-ли, в огороде“).

Самогонкой я торгую,
Мой доход не малый,
Денег много загребу я,
Парень я бывалый.

Мужичков я опою
Самогонной брагой,
А потом я всем спою
Про свою отвагу,

Эй, народ, ко мне домой
Жарьте поскорее,
Будет сразу всяк хмельной
Много веселее.

Только деньги припасайте
Знай—гони монету,
Только деньги—твердо знайте,
А без денег—нету.

(Уходит, приплясывая).

Ванька бывалый: Вот видите, парень какой—сам не хмельной, а других манит. Напоит—не обманет, а зато денег сколько оттянет. Да и вообще, братцы, пить плохо—ну как не сделать грустного вздоха, коль кто деньги пропьет, а потом белугой заревет. Пойдет по соседям болтаться, будет клянчить и клясться, что дома нечего жрать:—ну как такого не пробрать. Деньги-то пропьет, а потом подачками живет. А сейчас, братцы, выходит наш герой, у которого тоже частенько бывает запой, но теперь уже другое на уме—как бы не оказаться на войне. Прав он или неправ,—я расскажу потом, а пока он пусть споет, почему он белугой ревет.

(Выходит призываемый и поет на мотив: „Последний но-нешний денечек“).

Идя в терармию солдатом,
Прощаюсь с родиной своей,
Ах, что там будет с парнем-хватом,
Мне дома быть всего милей.

Совсем, друзья, я пропадаю,
Ах что мне делать, как мне быть,
Со мной что будет там—не знаю,
Ну чем мне горю пособить.

Прощай родная деревенька,
Умчусь в далекие края,
Прощай моя зазноба Фенька,
Навек погибнет жисть моя.

(Грустно, под музыку, уходит).

Ванька бывалый: А теперь я об'ясню—прав он или виноват—какой он солдат,—будут ли его мурыжить года два или едва-едва. Есть у нас теперь территориальные войска, это гораздо лучше для пролетарского сынка. Поят его недели три, а потом домой иди. И так, каждый год его будут недели на три звать, чтобы службу военную не забывать, а в общем от дела-то не отрывать.

А если у нас и есть сейчас армия постоянная, тому причина понятная. Наши враги только и думают—что-нибудь у нас урвать, так армия постоянная будет от них нас охранять. Так, вот, братцы, какая штука, для незнающих пусть будет наука, чтобы новой армии не боялись, не пугались и военное звание получить-бы рвались. Потому—это дело народа, которому дорога свобода. А сейчас перед вами появится другой фрукт, которые по деревне шляют, оруг, а как только напьются, так сейчас же передерутся. Кому от этого польза—я не знаю, но

мнения своего не скрываю—ежели такой арап другого уььет, кто заревет? Заревет кого он должен поить и кормить, так зачем же работников бить; хорошо—коли на лбу шишка, а ежели капут и крышка. Дело это, братцы, преплохое, худое. Пора кончить этим делом заниматься, лучше полезным чем-нибудь заняться. Это дело вернее и к лучшему все пойдут скорей. Да пусть он сам споеет—чем занимается. Неужели вам это понравится.

(Выходит парень-драчун и поет частушки).

Я деруся день и ночь,
Восемь душ ухлопал,
Жить спокойно мне невмочь,
Так по лбу-бы хлопал.

Я в работе не ходок,
Только драться люблю,
В нос заехать, или в бок,
Или просто в зубы.

Наслаждаюсь дракой я,
Скучен день без драки,
Драться не с кем—жисть моя
Хуже—чем собаки.

Эй, ребята, выходи
Хоцца больно драться,
Лезь ко мне и не скули...
Нечего бояться.

Нет бойцов—пойду искать
На другое место...
Эх.. кого-бы мне помять
Как ржаное тесто.

(Грустно уходит под утихающую музыку).

Ваня бывалый—(выходит): Ну вот, ребятки, я и не соврал, кого хотел, того и показал. Не правда-ли—интересный парень. Как в руки дашь камень так им по голове встряхнет, что дух замрет. А к работе, как видите, не большой ходок, зато как драться всякому даст урок. Разве нужен деревне такой человек... Лучше-б не было его век. Лучше-бы жилось и никаких-бы бед не стряслось. Вот один парень с ним сцепился, да чуть на тот свет не скрылся. А как узнал, что не помрет, так нализался, что дух замрет. Загнал на выпивку все свои тары-бары. Вот что значат винные угары. А теперь по деревне как тень загробная снует... Да пусть он лучше сам вам споеет.

*(Выходит парень—побитый и поет на мотив „Пускай морда
моя меня накажет“).*

Я перед вами совсем избитый,
Хожу с поникшей головой,
Дурак я грязный, неумытый,
Как я приду теперь домой.

Разбили морду совсем как в сказке,
Я на себя не стал похож—
Цветная морда—как будто в краске,
Такую харю—ну где найдешь.

Работать трудно—все кости ломит,
Все раны ноют—хоть волком вой,
Кто боль ужасную прогонит...
А впрочем я иду домой.

А дома пусто. Пред вам каюсь,
Не знаю, как потом прожить,
И вот теперь, как нищий, маюсь,
Кого о помощи молить.

(Грустно уходят).

Ваня бывалый (выходит). Ну, разве, ребята, это не безобразие, когда на лице такая оказия. Разве можно до такого состояния дойти, что дома хоть шаром покати. Какой то драчун его избил, а он с горя все пропил. А теперь по деревне шляется, ругается и с досады мается.

Не советую никому в такое положение попасть, можно так упасть, что потом и не подняться и всю жизнь долгами заниматься. Ну об этом пора замолчать, надо вам другого показать. Того—кто в армию пошел и теперь опять домой пришел. Пусть он вам расскажет и песенкой уважит.

*(Выходит парень-новобранец и поет на мотив „Оружием
на солнце сверкая“)...*

Вернулся, ребята, со службы,
Тоски не осталось следа,
Спаялся с винтовочкой дружбой,
А теперь за работу—айда.

Теперь не страшны мне невзгоды,
Я знаю как надо мне жить,
Сдружился с сынами завода,
Сумею счастливо прожить.

Я пить самогонку не буду
И драться навек позабыл,
И все, что узнал, не забуду,
Счастливым покоем наступил.

В работу, в работу скорее,
Спокойную жизнь я найду,
И все, что хотел—поскорее
Я в жизни своей проведу.

(Выходит самогонщик и поет на мотив)—Во и боле ничего...

Вот явился парень бравый,
Развеселый, разудалый,
Надо крепко угостить,
Самогонкой напоить.

Во и боле ничего..

Эй, служивый, выпей брагу,
Вижу я в тебе отвагу,
Я одно могу сказать,
Надо в руки только взять.

(Показывает бутылку с самогоном)—Во и боле ничего...

Парень-новобранец: Эх, ты, дядя расчудесный,
Развеселый, распотешный,
Я одно могу сказать,
И сумею показать.

(Показывает кулак)—Во и боле ничего...

Самогонщик: Брось-ка, паря, зря дурить,
Должен бражечки испить.
Все геройство показать,
А потом мне в руки дать.

(Показывает деньги)—Во и боле ничего...

Парень-новобранец: Не дурю я, дядя милый,
Я не пью уж до могилы,
А на речь твою опять
Я сумею показать.

(Показывает кукиш)—Во и боле ничего...

(Выходит драчун, самогонщик поет ему).

Ну так ты, дружок мой, выпей,
Не скули и зря не хныкай,
Я смогу бутылку дать,
Только надо мне отдать.

(Показывает деньги)—Во и боле ничего...

Парень-драчун: Коли так, сюда поближе,
Наклонись-ка дядя ниже,
Я смогу бутылку взять,
А тебе сумею дать.

(Бьет самогонщика)—Во и боле ничего...

(Бьют под музыку за самогонщиком и бьют его. Тот кричит во все горло. Ваня-бывалый и новобранец разнимают).

Ваня-бывалый: Как говоря—наткнулся камень на косу, поковыряли друг друга по спине и в носу, чуть-чуть было не перестарались, так подрались. Сами видели, как трудно было их унять. А теперь можете на нас пенять. Все перед вами, что хотели—то показали, а теперь бы знать желали. Да лучше перед тем, как уйдем—мы вам все это споем.

(Все выстраиваются и поют).

Коль по нраву песня наша,
Знать хотим желанье ваше,
Чтоб потом опять сыграть,
Нам сумейте показать.

(Ударяют в ладоши, как бы аплодируя).

Во и боле ничего.

(Все под музыку расходятся).

ЗАНАВЕС.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КНИГА.

Биб-агитка в 2-х действиях.

С. ПАЦКОВСКИЙ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Голос книги.
Голос газеты.
Завбиб.
Поп.
1-й терармеец.
2-й терармеец.
Группа терармейцев.
Он и она.
Наборщик.

По ходу действия в агитке
участвуют:
Громко-говорящий аппарат
(*рупор от граммофона*).
Шумовой оркестр.
Х о р.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КНИГА.

(биб—агитка).

Сцена представляет из себя библиотеку, стены увешаны плакатами, лозунгами, рексписками, справа на переднем плане стол с техническим инвентарем биб-ки, в глубь сцены круглый стол, на котором лежат журналы, газеты; при поднятии занавеса библиотекарь расставляет книги по полкам просматривая их и декламирует без пафоса, как-бы для себя (*но достаточно громко*):

Отраженье исчезнувших лет,
Обличенье житейского ига,
Вечных истин немеркнувший свет
Это книга—да здоровствует книга.

Неустанных исканий залог,
Радость каждого нового сдвига,
Указанье грядущих дорог—
Это книга—да здоровствует книга.

Чистых радостей светлый исток,
Закрепленье счастливого мига,
Лучший друг—если ты одинок—
Это книга—да здоровствует книга.

(*На последних словах вбегает 1-й терармеец*).

I терармеец:—товарищ Завбиб, можно вам вот эту книжицу сдать,—товарищ просил, ему некогда самому придти (*смотрит на книжку и смеется*).

Завбиб:—(*недовольно*) ну, давай отмечу, какой его №... да ты чего смеешься.

I терармеец—(*разражается хохотом и быстрым движеньем с книжкой в руках идет на авансцену, поет на мотив: „Мой костер в тумане светит“*).

Взял Ванюха у Завбиба
Книжку для прочтения,
И вернул ему обратно—
Недоразумение.

Всю измазал, заломил—
Изничтожил форменно.
Пять листочков искурил,
Вся обложка сорвана.

Ваня—терармейцем стал,
Парь кажись с понятием,
Как то я его застал
За плохим занятием.

Чтоб обед не остывал
Ваня словно крышкою
Котелочек прикрывал
Этой самой книжкой.

(Во время пения Завбиб приближается к авансцене, следя глазами за книжкой в руках жестикулирующего ею терармейца и последний с окончанием куплетов передает ее ему)--(поет на тот же мотив):

Завбиб: — С парнем этим мне беда,
Голова садовая,
Стала книжка—никуда,
А была ведь новая.

I терармеец:—Ну—что ж ему будет за это?

Завбиб:—Во первых он за нее заплатит, а во вторых я подам рапорт Военкому с просьбой, чтобы он запретил ему пользоваться книгами из библиотеки, т. к. я давно заметил за ним слабость, взять и испортить новую книжку. *(стук в дверь оба недоуменно переглядываются).*

Поп:—*(за дверью)* Можно войти...

Завбиб:—*(удивленно)* пожалуйста...

Поп:—*(входит, по привычке снимает шляпу, хочет перекреститься, потом опомнился)*—Скажите пожалуйста, как мне попасть к командиру Вашему.

Завбиб:—А вам к какому, к полковому или...

Поп:—Да мне самого старшего надо; насчет церкви, что под клуб то ваш заняли.

Завбиб:—Ах, вам командира полка надо, так он обещался зайти скоро сюда, в библиотеку, ему тут нужно книжку одну взять, он сегодня утром мне говорил.

Поп:—*(боязливо)* А мне можнс будет его здесь подождать.

Завбиб:—Отчего же, пожалуйста. *(Поп садится к круглому столу и осматривается кругом).*

I терармеец:—Завбиб.. ну так я пойду *(уходит удивленно провожая глазами необычайного посетителя).*

Поп:—А Вы, молодой человек, кто будете?

Завбиб:—Я—библиотекарь.

Поп:—Гм... библиотекарь.. значит книжки выдаете... гм... (поглаживает бороду, пауза. Библиотекарь просматривает формуляры читателя).

Поп:—А поди у Вас священных писаний то нет.

Завбиб:—(категорически)—Нет.

Поп:—Гм... (гладит бороду, продолжает осматриваться).

(За сценой раздаётся аккордный звук балалайки и заглушенный говор входящих, через несколько секунд слышны слова пения частушек под аккомпанимент балалайки. Поп насторожился; биб-карь, не обращая внимания, продолжает работать). Поется на мотив: „Яблочко“.

Бабы ревом ревут,
Вот оказия,
Аль опять воевать
Безобразие.

Тер-яблочко
Ананасное,
Стала Англия
Безопасная,

Живем хорошо
Кормят кашею,
И Россия крепка
Силой нашею.

Саксония
Да и Бавария.
Диктатуру даешь
Пролетариям.

Тер-яблочко
Сбоку склизкое,
Станет Англия
Большевицкая.

Тер-яблочко
Да немецкое,
В Германии растет
Власть Советская.

Фашистики
Дюже куцые,
Скоро, скоро их сметет
Революция.

Тер-яблочко.
Корнем цепкое,
Тербойцы СССР
Дюже крепкие.

} 2 раза.

(По окончании пения раздаются оглушительные одобрительные возгласы и аплодисменты).

Поп:—(встал иронически): Весело живете.

Завбиб:—Мы никогда не унываем.

Поп:—(подходит к рексписку): Что-ж у Вас за картинка такая?

Завбиб:—А это рекомендательный список литературы.

Поп:—Гм... рекомендуете, значит. (читает про себя): Ну, что-ж, хозяйство подымать—дело полезное, да оно и Богу угодное.

• (Библиотекарь молчит).

Поп:—О, да их тут много... списков-то этих, только вот я слаб на зренье-то (подходит к другому, читает вслух): Вера... мудрость... так... дураков... тьфу...

Голос книги:—Знатье—меч для всех оков.

Поп:—Ох, молодой человек, грешите... Ой, грешите...
(*нерешительно*) А где у Вас тут безбожная-то литература?

Завбиб:—(*указывая пальцем*) Вон на той полке.

Голос книги:—Счастье—в силе, сила—в знанье, знанье—
в книге.

Поп:—(*достает книгу, читает вслух*): Как попы одурманивают народ... гм... да ведь она и мне годится. (*оглядывается на библиотекаря и прячет книжку под рясу*)—как живут, рождаются и умирают боги (*и эту прячет под рясу*).

Голос книги:—Красный Октябрь дал права—бесправным, землю—безземельным, книгу—всем трудящимся.

(*За сценой слышно пение частушек, поп во все время пения рассматривает книжки, и некоторые из них прячет под рясу*).

На Коляшу все гляжу я,
Знать, возьму его в мужья,
Не похож он на буржуя,
Бил он белых из ружья.

Забуянит ветер к ночи,
Заметет порошей лог,
Мой-то Коля, что есть мочи
На учебушку налег.

Моего дружка не троньте,
Мой Коляшенька хорош,
Первым он „ишел“ на фронте,
И в тер-армии он тож.

Почитают Дуню миром,
Дуня счастливей подруг,
Мой миленок—командиром,
Мой братенек—политрук.

(*За сценой: „Браво... браво... аплодисменты*).

Поп:—Видно, мне не дожидаться командира-то, так Вы, молодой человек, расскажите, как мне попасть-то к нему, тогда я и пойду с миром.

Завбиб:—А вот сейчас как выйдете, то направо, по лестнице вниз, выйдете на двор, а там спросите—Вам расскажут.

Поп:—А то, может, в другой раз зайти, а то я панихиду должен служить, а вы... (*поддерживая книги, спря-
танные под рясой*)... не сердитесь, хоть Вы и не верующий,
но господь бог наш велит любить и врагов своих... Благо-
словение Господне на Вас всегда ныне и присно и во
веки веков (*уходит*).

Завбиб:— *(подходит к столу, раскладывает газеты).*
Удивительно, какое у него дело до командира.

(Входит группа кр-цев; голоса; на перебой просят почитать газеты, книги).

Завбиб:—Пожалуйста, вот, садитесь к столу, тут свежие газеты. Сейчас книжки достану *(рассаживаются с шумом, углубляются в чтение. Тишина. Пауза. За сценой).*

Голос газеты:

Свежей краской пахнут строчки
Все товарищи прочтут,
Как армейские сыночки
В терчастях у нас живут.

Пишет Яшка из пехоты,
Яшка здорово речист.
Ведь узнать-то всем охота
Как живет артиллерист.

Конник пишет пехотинцу
Вот, братишка, как живем.
Все буржуйам по гостинцу
Мы в терармии несем.

Голос книги:—Книгой добьем мировой капитал.

Первый из группы:—Тов. Завбиб, нет ли у вас какой книжки насчет газов на войне.

Завбиб:—Есть, есть, как-же... „Газы“ называется.

Первый из группы:—Дайте мне, пожалуйста.

Завбиб:—Может быть, товарищи, ктонибудь хочет еще почитать военные книжки, вот например такую, Ударов—„Как победить“... Краев—„Как воевали прежде“, его же:—„Как воюют теперь“.

Голоса:—Дайте... дайте, пожалуйста.

Завбиб:—А вот еще книжки по милиционному строительству. Мехоношин—„Милиционная система“,—„Новые дивизии“, Пекарь-Орлов—„Новая страница в строительстве вооруженных сил Республики“.

Голоса:—Дайте... дайте, пожалуйста, дайте... *(Завбиб выкладывает на стол и продолжает работать за своим столом. Тишина. Пауза. Читают).*

За сценой проигрывается мелодия на рояли.

Голос книги:—*(мелодекламирует):*

Дай мне дольше жить на свете,
Друг читатель мой,
Жизнь моя в библиотеке,
Связана с тобой.

Часто с грязными руками
Вижу я тебя;
Мой почаще их хотя-бы,
Как берешь меня.

Не исчеркивай страницы
Мне карандашом,
Отмечать их не годится
На полях ногтем.

В корешке меня при чтеньи—
Не перегибай,
И страниц моих в бездельи
Ты не вырывай.

Пить-ли чай, или обедать—
Не бери с собою;
Вкуса их боюсь отведасть,
Я того не скрою.

Береги от непогоды—
Снега и дождя,
Коль на улицу понес ты—
Заверни меня.

Обо мне твои заботы—
Польза для тебя,
А как нет такой охоты—
То погибну я.

II терармеец:—(входит с балалайкой, шумливо-весело) А...
Завбибу почет и уважение. Знаешь, что. Я ведь не зря
пришел; понимаешь, брат—сочинил частушки, библиотеч-
ные, вот и хочу их тебе презентовать.

Завбиб:—А, ну—что за частушки?

II терармеец:—Ой, что-же я горло-то деру, ребята чи-
тают (к *Завбибу*), а только, знаешь что, их-бы спеть хо-
рошо, а здесь пожалуй неудобно.

Завбиб:—Ребята, как—дадим мы ему библиотечные
частушки спеть...?

Голоса:—А ну жарь, послушаем..

II терармеец:—Ну, да я потихоньку (поет сначала ти-
хо, потом все громче и громче):

Вижу я, библиотека—
Подпись, этак, дельна—
„Нету знаний—нет и хлеба“—
Это, братцы, верно.

Про животных ли, про птиц,
Солнце, звезды, небо,
Там без всяких небылиц
В книжке все есть это.

Про гражданскую войну,
Тоже знать не худо,
Как спустили буржую,
В ней жирок-то с пуза.

Ох, и тяжело было время,
В книжке что описано,
Называется „Неделя“
Юрья Лебединского.

Впрямь, ведь, „Красны дьяволята“
Дал он им название,
Почитайте, тер-ребята,
Бляхина писание.

Про Чапаева героя
Написал, вишь, военком,
В целом мире нет такого,
Он был лично с ним знаком.

И Митницкий описал
В том-же духе дельце,
Где героем показал
Он красноармейца.

У Асеева стихи
Командиру конному,
Посвящаются они
Красному Буденному.

Вам про старые порядки
Сразу будет ведомо,
Почитайте сказки, складки
Вы Демьяна Бедного.

Про последние деньки
Царской власти пишет,
Про Распутина грешки,
Нам товарищ Мишев.

Про поповские дела
Бедный отдем'янит,
Про святые чудеса
Со смеху подавит.

Веришь, иль не веришь в бога
Всем для безразличия
Издается „Красной Новью“
Ярославска „Библия“.

Что ты делаешь, дурной,
Эко безобразие,
Нову книжку пятерней
Разрезаешь, Азия..

Наказали парни Мишку,
Вот за щами поглядеть
Он на миску накрыл книжку,
Чтобы, значит, шам кипеть.

Стой, держи, лови, парнишку,
В роде, как налетчик,
С книжной полки ляпнул книжку
На махорку прочит.

По вопросу о налогах
Есть книжонка Гурова,
В ней ответов очень много—
Что, почему, откуда.

„Книжка справок гражданина“
Как, о чем, где справиться,
Как отдать в науку сына,
Кто и где чем славится.

У Зубрилина есть книжка,
Про землю, не более,
Как взрастить травы излишки
И про многополие.

Как и через почему
Появились люди—
Я Рубакина прочту
Деревенским людям.

Революция Октября
Шестаковым пишется,
Что крестьянину дала
И к чему вот близится.

Об устройстве Эс-се-сэр
Привезу я Кина,
Знай, бери, читай, хватай,
Парень и дивчина.

Вам Канатчиков опишет
Что такое Эр-ка-пе.
Ходоровский вам расскажет
О Владимир Ильиче.

Тер-парнишки, эти книжки
Для деревни благодать.
Заведутся коль деньжишки—
Их спешите покупать.

Ну, частушки петь кончаю,
Пожелаю вам добра,
А по этому случаю—
За Тер-армию ура...

Завбиб:—Молодец, одно слово—молодец. (*Группа аплодирует. Раздается сигнальный рожок на занятия. Все уходят. Остается один Завбиб*): Сигнал на занятия... Делу время—книге час. (*Достает незаконченный плакат—рек-список большого размера и продолжает работать над ним*).

Голос книги:—Книга—оружие только свободного на-
рода...

Книга—оружие бескровного фронта.
Вооружайтесь книгой—в наступление на
жизнь.

*(При открытом занавесе, под аккомпанимент на ме-
лодию: „Я хочу вам рассказать, рассказать, рассказать...“).*

Он и она:

Мы хотим вам рассказать, рассказать, рассказать—
Что не любим книг читать, да читать, да.
Нам они не нужны, они не нужны, они не нужны.
Мы и без них ведь не досужны, да не досужны гос-
пода.

Любим весело пожить, мы пожить, мы пожить,
Не работать, не служить, не служить, да.
Что нам в книгах пользы, да в книгах пользы,
да в книгах пользы.

Она у нас в брильянтах, кольцах, в брильянтах,
кольцах, на руках.

Мы хотим вам пожелать, пожелать, пожелать,
Бросьте книжки вы читать, вы читать, да.
Ум за разум вскочит, за разум вскочит, за разум
вскочит,
Как у крестьян, так у рабочих, как у рабочих, да, да, да.
Мы примером служим вам, служим вам, служим
вам.

Я—синьор, она—мадам, да мадам, да.
Что без книжек можно, без книжек можно, без
книжек можно

Достать деньжонок осторожно, осторожно гос-
пода.

В них ведь пишут дребедень, дребедень, дребедень.
И пекут их каждый гень, каждый день, да.
Власть Советов хвалят, советов хвалят, советов
хвалят.

А дураки их покупают, да покупают, без конца.

(Уходят за сцену).

Голос книги:—Не читающий книг по неграмотности—
несчастен, по нежеланию—преступен.

Книга в Красной Армии—сила, перед которой тре-
пещут продажные штыки мировой буржуазии. *На авансце-
не наборщик мелодекламирует:*

Я наборщик, я рабочий
Я свинцовым буквам друг
Набираю дни и ночи
Под машинный свист и стук.
Набираю буквы, точки
Не до отдыха рукам—
Строчка к строчке, строчка к строчке—
Будет книжка беднякам.
(Уходит).

Голос книги:—Храните заветы Ильича—любите книгу и библиотеку.

Громко-говорящий аппарат:—Царь открывал для народа кабак—Советская власть открыла библиотеки.

Шумовой оркестр:—(Подражает работе в кузнице. *Издали слышно пение „Дубинушки“*)

Громко-говорящий аппарат:—Учитесь быть свободными гражданами Социалистической Республики.

Шумовой оркестр:—(подражает бою).

Громко-говорящий аппарат:—В библиотеку, товарищи... в библиотеку. Там книги, там знание, там сила.

Шумовой оркестр:—подражает летящему аэроплану.

Громко-говорящий аппарат:—Книга это самолет, на котором можно облететь весь мир.

Завбиб:—(водружает на авансцене большой плакат—рексписок). ГОТОВО...

З А Н А В Е С .

Примечание: В последней части агит-фантазии с введением в нее шумового оркестра и громко-говорящего аппарата—сценическое действие их не должно разрываться друг от друга.

УКАЗАНИЯ

по проведению кампании „День книги“.

1. Работа по проведению „дня книги“ распределяется на две части:

- а) организационно-техническую и
- б) агитационно-пропагандистскую.

2. Первая часть плана увязывает в себе совокупность всей подготовительной работы по проведению кампаний, которая выражается:

а) привлечением к участию в „Дне книги“ шефов частей профессионально-партийных организаций и политпросветских учреждений;

б) изготовкой материалов, как-то: плакатов, лозунгов, рексписков, бутафорских экземпляров книг, устройством книжных выставок, и т. д. и т. п.

3. В порядке подготовительной работы за день-два до начала кампании надлежит организовать экскурсии на писчебумажную фабрику, переплетную мастерскую и типографию—если таковые в районе расположения части имеются.

4. Широко использовать возможности эксплуатации транспортных средств повозок, лошадей, трамвая (**Примечание:** последний по отношению к 29 п.)

5. Общее руководство по проведению „Дня книги“ возлагается: в полках—на начклуба и библиотекаря, в отдельных частях—на военкомов и зав. коллективными абонеменентами.

6. Прилагаемый план подлежит изменению для полков только лишь в сторону его расширения для отд. частей, как ориентировочный.

7. Кампания по проведению „Дня книги“ должна выноситься в своей организации на улицу, дабы возбудить интерес к ней широких кругов населения, с широко поставленной самостоятельностью и инициативой самих частей, направленной в сторону придания кампании торжественного праздника.

Примерный план дня книги.

1. Утром по городу раз'езжают герольды и оповещают трубными звуками о начале „Дня книги“.

2. В назначенное время со сборного пункта выходит демонстрация (*Карнавал книги*) с плакатами, лозунгами. Впереди ее идут враги просвещения: „Чучело темноты и невежества“, неграмотность, поп, самогон, буржуй—окруженные конвоем. Сзади их несут гроб с замученными книгами, небрежностью читателей, за ним—лучшие читатели.

3. 12 час. Митинг на тему о значении книги для человечества и ее истории.

4. После митинга—торжественное сожжение чучела „темноты и невежества“.

5. Вечером—концерты, спектакли, посвященные „дню книги“ и премирование лучших читателей, постановка биб-агитки: „Да здравствует книга“.

Примечание: Карнавал предлагается расширить в смысле его театрализации, с участием в нем домашних животных; лошадей, овец, коз,—с прикреплением к ним лозунгов по сельскому хозяйству и рекомендаций соответствующих книг. В равной степени, как и популяризации идей милиционного строительства Красной Армии, путем пропаганды соответствующей литературы.

Материалы для проведения „вечера книги“.

1. Для составления плакатов, диаграмм, рисунков и т. п.—надлежит использовать:

а) Библиотечный журнал: „Книгоноша“ за все годы.

б) „Библиотека“—сб. статей по библиотечному делу, изд. ВВРС, Запфронта—22 г.

в) „Опыт руководства по методике политпросвет-работы“ ч. II, изд. Пуокра за 1922 г.

г) Материалы клубной и библиотечной работы—изд. Пуокра, все выпуски.

Примечание: Означенные пособия могут быть использованы руководящими по устройству „вечера книги“, в сторону расширения его плана в зависимости от имеющихся сил и средств.

2. „Книга—Пакуль“—пособие к докладу на вечере.

3. Материал для декламации:

Бедный Д.—Собрание сочинений.

Щепкина-Куперник—„Пол-века для книги“, лит.-худ. сборн. журнал „Красн. Биб-карь“ № 2-3 за 23 г.

Некрасов Н. А.—„Дядюшка Яков“.

„ Сеятелям“.

„ Школьник“.

„ Эх... Э.. придет-ли времячко...“